

НОВОСЕЛЫЕ

16

НЬЮ-ШОРК

1 9 4 4

NOVOSSELYE

Price 45 cents

NOVOSSELYE

A RUSSIAN LITERARY MONTHLY

Editor ..... S. PREGEL

Editorial and Administrative Offices:

330 West 72 Street

NEW YORK CITY

Telephone: ENdicott 2-1660

СОДЕРЖАНИЕ :

Ирина Кунина. Лена	3
София Прегель. Стихи	15
Н. Гиевский. Вечная странница	17
С. Дубнова. Стихи	36
Ирина Ясен. Стихи	38
И. Опатошу. Смерть Менра Балабана	39
М. Чехонин. Стихи	45
М. Слоним. Молот победы	46
С. Тери. На путях франко-русской дружбы	53
И. де Манциарли. Эмили Дикинсон	59
В. Сухомлин. Свое и чужое	63
Игнац Шульц. Почему Венгрия не сдалась	73
В. Юркевич. Кораблестроительство после войны	77
Х. Кроткова. Американские индейцы	82

Обложка работы художницы А. Прегель.

Издательство «НОВОСЕЛЬЯ» просит лиц, срок подписки которых уже истек, немедленно прислать подписную плату, чтобы обеспечить регулярную присылку журнала

Со всеми типографскими работами обращаться:
Rausen, 417 Lafayette Street, New York 3, N. Y. GR. 5-9802
Residence AU 3-0310

НОВОСЕЛЬЕ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

под редакцией С. ПРЕГЕЛЬ

№ 16

ДЕКАБРЬ 1944

ИРИНА КУНИНА

П Е Н А

Я познакомилась с ней в конце двадцатых годов, в хорватской столице Югославии, Загребе. Она была очень маленького роста, производя, однако, впечатление не девочки, а миниатюрного издания вполне нормально сложенной женщины — что то вроде слепка женской фигуры, изготовленной для музея.

Она пришла с экземпляром моей новой книги, в те дни увидевшей свет, положила книгу на стол и не попросила, а спросила по-русски:

— Подпишите?

— Подпишу. Как вас зовут?

— Лена.

— Написать просто — Лене?

Вместо ответа, она кивнула головой. В ту минуту зазвонил телефон. Покуда я разговаривала, она строго и внимательно осмотрела комнату, подошла к столику, на котором стояла русская машинка, прикоснулась к клавишам, не нажимая на них, села, повернулась ко мне и спросила движением головы и жестом, можно ли? Я кивнула головой. Она взяла со столика лист бумаги и вложила его в машинку — очень медленно, осторожно, точно никогда не делала этого прежде.

Когда я повесила трубку, она все еще писала, забыв обо

Н о в о с е л ь е

мне, но через минуту-две неожиданно вспомнила, встала, быстрым движением вынула лист из машинки, сунула его под кипу бумаги и сказала:

— После моего ухода.

Вернувшись к письменному столу, она придвинула книгу ближе ко мне:

— Пожалуйста, мне пора.

— Что это вы так торопитесь? Ведь мы с вами даже познакомиться не успели.

Она ответила мимо моих слов:

— Интересно на русской машинке... никогда раньше... потому так медленно.

По-русски она говорила правильно, но очень осторожно, точно подыскивая слова.

— Вы наверное девочкой уехали из России?

— Да... там все... после... — Она махнула рукой в сторону машинки и повторила с детской настойчивостью: — Пожалуйста, мне пора.

Я послушно взяла книгу и написала одну из тех гладких, альбомных строчек, которых после стыдишься, но Лена, кажется, была довольна. Впрочем, вероятнее всего она была довольна возможности встать и уйти. На прощание она произнесла еще одну «безглагольную» фразу: «Здесь нетрудно... на улице когданибудь или в театре... спасибо», и ушла. А я еще несколько минут после ее ухода пыталась разгадать ее слова. Хотела она сказать, что Загреб город небольшой и встретиться на улице или в театре нетрудно? Значили ее слова, что в Загребе нетрудно жить — я не знала, но так и не решив, занялась чем то другим, то и дело вспоминая Лену. Мне было жаль, что я не сумела завязать с ней разговора, что не спросила ни адреса ее, ни фамилии.

Я совершенно забыла о листе бумаги, который она положила под книгу на машинном столике, и нашла его только исписав всю лежавшую над ним бумагу. Вот что написала Лена:

«Я вам рада — вы кусок родины. Ваша книга так же. Отец был политический ссыльный с 1905-го, а мать добровольно за ним, тогда еще невеста. От отца нас трое. Революция освободила его, но уже туберкулезного, все таки пошел в гражданскую войну; скоро — ранение, кровь горлом и конец. Друг его, хорват, военно-пленный, в Сибири с первого года войны, стал нашим отчимом, от него у нас сестра Оля. Месторождение Оли — поезд между Сибирью и Москвой. Отчим профессор, семья дружная, все помнят Сибирь, кроме Оли, конечно. Только брат Осип, сестра Надя и я по-другому: для нас это жизнь и смерть отца, мечты, борьба, заветы перед смертью. России не знаю, ничего, кроме Сибири да вокзалов мимо поезда с военно-пленными по дороге на ихнюю родину (Лена так и написала: «ихнюю»). Осип первый домой, потом я и Надя. Простите, что так плохо по-русски: малограмотная, но интересно на русской машинке — впервые. Спасибо, Лена».

Со дня моего знакомства с ней до нашей второй, такой же случайной встречи, прошло несколько месяцев. Я уже почти забыла ее простенькое русское лицо с темными строгими глазами, маленькую фигурку идеально скопированной женщины, и ее «безглагольный», отрывистый разговор. Она была у меня в конце осени, или в начале зимы, а вторично мы встретились в синих предвесенних сумерках, когда на загребском асфальте лежала желтая жижа талого снега и ветер разносил запахи гнилых листьев, реки, земли, подснежников. Подснежники принесли дети из пригородных деревень, появившиеся на перекрестках так же незаметно, как исчезли жаровни с каштанами и печеной кукурузой, которые придавали зимним улицам хрупкое очарование уюта и покоя, такое же обманчивое, как очарование весны и весеннего беспокойства, исходившее из чахлах букетиков, пахнувших картофелем и землей.

Я переходила главную площадь, Елачица, направляясь к Илице — узкой, многоверстной, торговой улице города,

Новоселье

устремленной в светлое, таявшее небо с последними легкими пятнами заката.

Лена остановила меня, коротко сказала:

— Здравствуйте, вот именно так — случайно на улице...

На этот раз я ответила невольно:

— Весной пахнет. Чувствуете, Лена?

Она засмеялась.

— Нет.

Смех у нее был как слова — отрывистый и серьезный.

Я спросила:

— Вы опять торопитесь, а то, может быть, проводите меня?

— Нет. Но лучше в другой раз. Когда привыкну. Хорошо?

— Хорошо, если хотите, но как же вы можете привыкнуть ко мне, раз вы все время убегаете?

— Да, конечно. — Она задумалась, склонив голову.

Разговаривая, я повернулась лицом к площади, в центре которой бронзовый австрийский генерал — хорватский граф Елачич, с воздетой, обнаженной саблей, вел невидимые войска на Будапешт: подавлять революцию 1848 года. Я смотрела на этот памятник, вспомнив почему то, может быть из-за Лены, другую площадь — в родном Ленинграде, и другого Медного Всадника, куда более прозорливого и смелого, но так же вот — вечно мчащегося из тьмы прошлого в неизвестность веков впереди.

А Лена думала о бытовых мелочах, она сказала:

— Почему без галош в такую погоду? Наверное ноги мокрые...

Я ответила тоном младшей, дававшей ответ за легкомысленное поведение, а Лена сразу же подметила, потому что она засмеялась своим коротким, серьезным смехом и сказала:

— По годам вы наверное на много старше меня, а по настоящему гораздо моложе. — Она слегка передразнила меня: — «Весной пахнет»... без галош вот... а я старая — и галоши, и по-моему никакой еще весны. Ну, ладно, я провожу вас.

— Значит, привыкли?

— С вами не трудно...

Я обрадовалась, заговорила с ней, точно мы были старыми друзьями. По дороге она рассказала мне про свою службу в транспортной конторе, о том, что ее семья недавно переехала в Загреб из провинции.

— Это самый большой город в моей жизни... и маленькая ведь я, а мне здесь тесно. Даже смешно. Сибирские просторы в памяти... и без настоящего снега скучно...

— Ну, как в памяти? Ведь вам лет пять было, не больше, когда вы оттуда уехали.

— Девять. Но это неважно — Сибирь со мной здесь, всюду, навсегда... Вся Россия со мной, Москва... а я никогда их не видела, только вокзалы...

Мы долго гуляли, и она привыкла ко мне в тот вечер. Разговаривала свободнее, менее отрывисто, но старательно обходя глаголы. Можно было подумать, что в книжке грамматики русского языка, по которой Лена училась, не хватало страниц, обучающих спряжениям. Ее речь, не всегда из-за этого внятная, если вдуматься — была строго подчинена внутренней логике ее мыслей.

С того дня мы встречались довольно часто, но две встречи запомнились навсегда.

Доктор Б., известный загребский врач, с которым я познакомилась незадолго до этого, пригласил меня к себе на новоселье. Я пришла поздно, после театра, и нашла в его кабинете человек двадцать; Лена тоже была там. Доктор Б. оказался другом ее семьи. Когда я со всеми перезнакомилась, хозяин сказал, может быть для пояснения общей веселости, или для того, чтобы можно было вернуться к прерванному моим приходом разговору:

— Лена рассказывала нам про Сибирь. Она только что начала описывать их сибирскую поездку — к зубному врачу, в ближайший город. Ну что ж, продолжай, Лена.

— Ладно, значит заболел у меня зуб... — начала Лена,

как то удивительно сразу и свободно, — мать пошла к полицейскому чиновнику и начала хлопотать о разрешении на поездку в ближайший город. Через неделю, или того меньше, разрешение было получено.

Ленин хорватский разговор не походил на ее русскую речь: в нем было ничего особенного, ничего типично Ленинского. Точно существовали две Лены: одна — бережно расходовавшая свой драгоценный, нищий капитал русских слов; другая, пользовавшаяся нормальной привилегией двуногих — разговором — с такой же простотой, с какой человек ходит, спит, ест, пьет.

— Да, так вот, — продолжала Лена, — разрешение получено, дня два или три ушли на сборы, и, наконец, мы расселись всей семьей, кроме отца, в санках, и помчались. Мчались во всю прыть, потому что упряжка то у нас была не простая, а шестерней, правда, собачьей. Едем день, два, три; едем, едем, едем, а вокруг снег, снег, снег. На восьмой, кажется, день приехали, усадили меня в зубо-врачебное кресло, открываю рот, доктор смотрит, а больного зуба и след простыл — новый уже прорезывается. Зря ехали.

Лена засмеялась, а доктор сказал:

— Мда, просторы у вас там в Сибири не маленькие...

Все смеялись, а радостнее всех Лена, смехом таким не похожим на тот, серьезный и отрывистый, который я знала до этого вечера. Смеялась и утирала слезы и снова заливалась смехом.

Потом разговор перешел к политическим темам — об арестах, о сербской Главняче, о том как там обращались с политическими заключенными, о тюрьмах Югославии вообще.

Сначала разговаривали под сурдинку, но вскоре все предосторожности были забыты и разгорелся спор, хотя принципиальных разногласий никаких не было. Такие споры — типичное явление югославской жизни — достигли апогея в тот первый год диктатуры короля Александра. Чем строже становилась цензура, чем суровее полицейский запрет, тем силь-

нее хотелось людям кричать правду. И хотя сотни людей познали уже горечь этого запретного плода, новые тысячи тянулись к нему — отведать.

Лена в споре не участвовала. Я подседа к ней, попробовала завязать с ней разговор по-русски. Она отвечала отрывисто, словно нехотя, как в день нашего знакомства, теми своими короткими, сжатыми фразами, напоминавшими не то плакатные лозунги, не то произведения ранних экспрессионистов. Только когда я узнала ее поближе, я поняла, что с ней невозможно было разговаривать, если она этого не хотела. Но сила ее была не в насилии над чужой волей, а в спокойной и твердой уверенности в неприкосновенности ее собственной воли.

В тот вечер я узнала еще одну черту ее характера: она поразительно умела участвовать во всем, не нарушая общего настроения и сохраняя какую то, точно силой внешних обстоятельств навязанную ей, отдаленность. Она напоминала то ласково снисходительную старушку, сохранившую молодость души, то ребенка с физическим недугом, умудренного горечью познаний и не утратившего радости бытия.

Вторая памятная встреча произошла в тридцатых годах. Был вечер, в передней раздался звонок. Зная, что в доме никого не было, я пошла открывать дверь. На площадке, подле моей двери, стояла Лена, держась за косяк. Я узнала ее по фигуре, по очень круглой, маленькой голове. Лицо ее было неузнаваемо. Оно пылало и было покрыто испариной, синяками, грязью, кровью. К вискам и лбу прилипли пряди волос. Она шаталась.

— Можно? — Она скосила дикий затравленный взор в глубину коридора, точно желая проверить, нет ли в доме посторонних?

С трудом оторвавшись от двери, она протянула обе руки к моему локтю и так мы с ней дошли до спальни — она встала на локте моей правой руки.

Она позволила мне раздеть ее, уложить в постель, обте-

Н о в о с е л ь е

реть ее лицо мокрым полотенцем, положить ей холодный компресс на голову. Она попросила: «Воды, пожалуйста... и не надо электричества...»

Больше она ничего не сказала в течение часа или больше. Потом она заснула и заговорила во сне. Она разговаривала по-русски, она рассказывала своему покойному отцу, что с ней произошло, а я достраивала про себя ее особенные, окромсанные фразы и дополняла догадками остальное.

Это была странная и страшная повесть о Лениных больших мечтах и той цене, которую она заплатила за них. Бежала ли она из полицейской тюрьмы, или была отпущена на свободу, и пришла ко мне, потому что не хотела вернуться домой в таком состоянии — я не знала, но все остальное было почти ясно, кроме, впрочем, еще одного обстоятельства: как удалось ей, даже во сне, в бреду, не обмолвиться ни словом о причине того, что с ней произошло?

Я раздумывала обо всем этом, сидя подле нее в темноте и держа ее за руку. Признаюсь, я не на шутку испугалась, когда, помолчав недолго, она неожиданно запела. У нее был прелестный, очень чистый голос. Она спела куплет из русской партизанской песни, которую, вероятно, выучила уже в Югославии, но, очевидно, думая, что эту песню пел ее отец в годы гражданской войны, потому что спев этот куплет, она сказала: «Папа, я помню все, даже песни...»

Она повторила последнюю строчку: «Партизанские отряды занимали города...» Помолчав, снова запела, но уже без слов. Раза два она громко застонала, раз крикнула. В доме напротив погасли огни — было, должно быть, очень поздно.

Лена проснулась довольно неожиданно и совершенно непостижимо трезвая, сразу вспомнив, что она находилась у меня. Она высвободила свою руку из моей, села и сказала: — Спасибо. Теперь я вымоюсь и пойду.

Я уговаривала ее остаться, настаивала, сердилась, но уговорить Лену было нелегко. Впрочем, в ее упрямстве, как в разговоре, была крепкая внутренняя логика. Я спросила, можно ли помочь ей умыться, она согласилась. Только усадив

ее в ванну, я по-настоящему поняла, что с ней сделали: ее тело было покрыто синяками, ссадинами, кровоподтеками; пальцы на руках и ногах были сини, а на трех пальцах левой ноги — вместо ногтей — лиловые опухоли.

Она очевидно отлично сознавала, что не смогла бы обойтись без моей помощи и поэтому принимала ее послушно, как маленькая девочка — дочка, которую мать купала в ванне.

Осторожно мыля и поливая водой это несчастное тело игрушечной женщины, я снова пробовала уговорить ее остаться, просила хотя бы объяснить мне причину ее упрямства.

— Причину — хорошо... причина простая: один лучший ответчик чем два. — Помолчав, она добавила: — Все за листовки против диктатуры... полиция дикая теперь. Ничего — я опять, когда надо... а вы тут не при чем... вы лучше в книжках про нас — больше пользы...

Это была снова старая мудрая Лена, упрекавшая меня за то, что я выхожу без галош в сякоть. И я тоже, как тогда на Елачицевой площади, упрашивала тоном младшей:

— Ну, хоть до утра. Вам надо отдохнуть, поесть...

— До утра нельзя, спасибо. А поесть — это посмотрим, если смогу.

Вместо ее разорванной и перепачканной кровью одежды, я навязала ей мое белье, платье, туфли. В моих вещах, которые были слишком велики для нее, она казалась вырванной девочкой. Выпив чаю, посидев со мной недолго у стола в столовой, но больше ни словом не упоминая о происшествии, она коротко поблагодарила и ушла.

Я разыскивала ее через друзей, но никто ничего не знал, все отвечали, что не видели ее довольно долго. Пойти к ее семье и, может быть, зря напугать их — я не решилась. Доктор Б. знал меньше, чем я: он слышал от ее родных, что она была снова арестована. Это «снова» было единственной подробностью, которой я не знала. Известно ли было доктору

Н о в о с е л ь е

Б., что Лена провела у меня ночь после полиции — я предпочла не выяснять.

Лена появилась у меня снова через несколько недель, с легкими следами синяков на лице, но снова опрятная, гладко причесанная, с большим внутренним спокойствием и своей «безглагольной», особенной речью. О той ночи она не обмолвилась ни словом, а после ее ухода я нашла в платяном шкафу сверток с бельем; мое пальто и платье были аккуратно повешены. Когда и как она успела это сделать — я так и не узнала.

В 1937 году я уехала из Загреба во Францию, потом в Швейцарию, куда изредка приходили письма от Лены — отрывистые, безглагольные приветы. Потом я покинула Европу. После разгрома Югославии я пыталась наводить справки о Лене через Красный Крест, но ответа никогда не получила.

В октябре этого года, возвращаясь на машине из Коннектикута, завидя единственное в мире, неповторимое зрелище Нью Йорка вдоль реки, в серо-голубом солнечном тумане, я вспомнила о Лене. Вспомнила о прошлом при неожиданном взгляде на настоящее со стороны. А может быть потому, что, живя на даче, я неизменно называла Нью Йорк Загребом, как парижане, приезжавшие погостить, называли его Парижем, а знакомая чешка — Прагой. Подъезжая к Нью Йорку, очарованная его особенной красотой, одновременно опечаленная невеселыми мыслями о Загребе, я думала о Лене.

Дома я поняла, что вспоминала Лену совершенно независимо от логики каких бы то ни было ассоциаций, а по тому необъяснимму побуждению, подчинить которое законам логики и причинности невозможно. Среди писем на моем столе лежал, полученный в то утро, коричневый конвертик Ви-Мейль, или Почты Победы, с фотографией Ленинского письма, снятого на микро-фильме. Большой, неизвестный мир, снятый на микро-фильме.

«Это я опять, Лена. Тут у американцев разные ихние журналы и **Совет Рашна Тудэй** с Вашей статьей и карточкой.

Содержание статьи неизвестно, по-английски ведь, а карточке рада. Вся моя семья погибла от рук фашистов. Осип и я в лесах и горах с партизанами с первых дней поражения. Осип на родину не попал и в длинные, трудные ночи у костров — мы с ним до утра про родину... Югославия огромное пожарище: головешки и обломки, сожженная, развороченная земля, а люди (кроме продажных трусов, конечно), сущие погорельцы или бойцы. Ничего, отстроимся. Среди партизан много бывших погорельцев, но нет среди погорельцев бывших партизан, нет бывших партизан вообще, разве что мертвые. Нас много — со всех концов земли, разные: от былинных героев до священников, от участников испанской войны до крестьянских парней, учителя, рабочие, поэты, студенты, белошвейки, адвокаты, журналисты. Осип недавно погиб. Сердце у меня каменное. Шел рядом со мной два километра с пулей в легком и бредил Сибирью, отцом, свободной Югославией, русскими вокзалами, союзниками, Красной Армией, мамой. Тяжело было от его слов. Ответить можете только через этого американца, славный парень. Заживают раны в сердце, или только на теле? Скоро увидимся, до свиданья, Лена.»

Мой ответ разминулся с письмом майора Икс, чей адрес был указан на Ленином конвертике. Он сообщал:

«Сударыня, Ваш друг, поручил Югославской Армии Освобождения, Лена, просила меня сообщить Вам, если чтонибудь с ней случится. Она умерла здесь, в Союзном Госпитале, в Италии, вчера. Она писала Вам, уже находясь здесь на лечении, но я не уверен, что она упомянула о своем ранении. Она была ранена при исполнении служебных обязанностей, переходя границу. Она просила меня напомнить Вам, как они ездили к зубному врачу в Сибири — далеко и трудно, так, что больной зуб выпал и новый прорезаться успел. Она сказала, и это были ее последние слова: «Только наш то больной зуб Гитлер вышиб. Она поймет». Я предполагаю, что под словом «она» Лена подразумевала Вас.

Н о в о с е л ь е

Опечаленный необходимостью сообщить Вам столь грустную новость, прошу Вас принять искреннее соболезнование. Я глубоко уважал Вашего друга Лену, храброго офицера храброй армии.

С совершенным уважением, Майор Икс».

Может быть этот последний привет большой маленькой Лене прочитает югославская партизанка, ставшая на Ленино место?

Нью Йорк, дек. 1944.

СОФИЯ ПРЕГЕЛЬ

ЗНАМЕНА ПАРИЖА

Эта улица с нами
В даль шагает, легка.
Жжет суровое знамя
Серый холод древка.

И трещат запоздало,
Средь победных гудков,
Все траншеи подвалов,
Вышки всех чердаков.

По асфальта заплатам
Ворон клювом стучит,
Мертвые циферблаты
Воскресают в ночи.

И на луже безлунной
Реет луч, трепеща.
Входят в сумрак чугунный
Пелерины плюща.

В распаленные бреши
Рвется ветер живой,
Танки искрами чешут
Седину мостовой.

И багровое пламя
Каплет бешено с крыш,
И пожаром над нами
В небе звездное знамя
Поднимает Париж.

СОФИЯ ПРЕГЕЛЬ

ВАНДЕЯ

Сильными слава владеет,
Гордыми вера стоит,
Это в зеленой Вандее
Деды твердили твои.

Гаснут тяжелые кисти,
Ветер заборы глушит,
Утром винтовку почистишь,
В полночь уйдешь в камыши.

Под сентябрю разговоры
Чистая веет смола,
Ждут головного убора
Два голубые крыла.

Ветви качаются сонно,
Тучи в лощине лежат,
И полевая Мадонна
Мантией ловит закат.

Яблоки поздние рдеют,
Травы туман шевелит,
Наша земля не скудеет,
Родина наша стоит

В благословенной печали
Темных осенних лугов,
Наша деревня, где ткали
У золотых очагов.

ВЕЧНАЯ СТРАНИЦА

Было утро середины мая 1873 года. Коляска из женевского отеля Бо Риваж шагом поднималась на взгорок дороги, ведущей в деревню Мерен — предместье Женевы, милях в четырех от нее. Под ярким солнцем дорога пылила слегка. Крупы сытых лошадей были в темных пятнах пота, к которым липли первые слепни.

Как в'ехали на взгорок, и коляска покатила спорой рысью, подняв уже облако пыли, вскоре показалась за высоким тыном, обросшим елями, небольшая усадьба с мелькнувшим фасадом виллы в два этажа с вышкой. Дальше по дороге не-вдалеке начиналась окраина Мерена.

Перед калиткой кучер придержал лошадей.

— Вот, это и есть «Тропическая вилла», — обернулся он к седокам, мужчине с дамой.

В об'явлении было сказано, ключ от виллы у мадам Коппэ в деревне, — сказала дама.

— Знаю старушку. У нее тут не-вдалеке бакалейная лавочка. Вы извольте сойти, а я с'езжу за ней. Десяти минут не пройдет.

Седоки вышли на дорогу. Мужчине было на вид лет тридцать пять. Он был высокого роста, с волнистой, холеной бородой и правильными чертами явно русского лица. Несмотря на теплую погоду, на нем был черный сюртук, застегнутый на все пуговицы, а на плечах лежал идейный плащ свободомыслящей русской интеллигенции того времени — шотландский плед. По виду можно было подумать — преподаватель русской словесности в старших классах гимназии в тайной

Н о в о с е л ь е

оппозиции к правительству. Дама же, судя по довольно нарядному платью и дорогим кольцам и серьгам, принадлежала к зажиточному кругу. Это была блондинка, немногим моложе своего спутника, с пышным бюстом и расплывчатыми чертами милостивого лица. То и дело щурившиеся близоручие глаза придавали ему очень доброе выражение.

Мужчина толкнул калитку, она поддалась. Дорожка, тоже обсаженная елями, вела к ступенькам стеклянной веранды. Сильно пахло прелью и хвоей. Солнечные лучи почти не проникали сюда.

Пока приехавшие медленно прошли к крыльцу веранды, и мужчина раскурил папиросу, коляска вернулась, и их догнала запыхавшаяся маленькая старушка с лицом в лучистых складках.

— Что это у вас тут, все елки да елки, а виллу зовете «Тропической», — с брюзгливой иронией, видимо привычной, сказал мужчина; французский язык его был правильный, но акцент явно выдавал семинарскую учебу. — Мало у вас тут на тропики похоже.

— Это только тут, перед домом, на северной стороне, одни елки, — затараторила словоохотливая старушка, — а там, позади виллы, целое царство тропических растений.

— Откуда же они тут? — спросил мужчина.

— А, видите ли, мсье, — ответила старушка, пытаюсь отпереть дверь веранды несколькими ключами поочередно, — отец теперешнего владельца этой усадьбы был моряк и очень большой любитель редкостных цветов. Вот он и привозил их сюда из заморских краев. Целый сад насадил. В память отца теперешний владелец бережет сад, и сдает виллу только таким людям, которые согласятся беречь его. Так мне и велено говорить всем господам, смотрящим виллу.

— Ну, на этот счет ваш хозяин может быть спокоен, — ответил мужчина уже серьезно, без брюзгливости, видимо загоревшись интересом. — Я сам большой любитель садоводства.

— Вот это прекрасно.

Наконец, один из заржавленных ключей повернулся со скрежетом, и дверь распахнулась. Лишь только приезжие вошли на веранду, на них пахнуло обычным дачным запахом замазки. И нижний этаж видлы, с застоявшимся воздухом, старинной мебелью в чехлах и тусклой позолотой рам под кисейными покрывками, напомнил приезжей ее дачу в Люблине, под Москвой.

По широкой лестнице со скрипучими ступеньками поднялись во второй этаж. Тут стало сразу веселее. Из спальни над нижней верандой открылся чудесный вид на темносинюю Рону и цепь Юры с яркими пятнами снега на вершинах.

— А вот на цветы отсюда пожалуйста поглядеть, — пригласила мадам Коппэ. И через боковую комнату она провела гостей на открытый балкон.

Дама ахнула.

— Какая прелесть! Это прямо цветущий рай.

И лицо ее брызгливого спутника тоже сразу оживилось, едва он окинул взглядом раскинувшуюся пред ним пеструю панораму цветов. Мадам Коппэ вынесла им два стула на балкон, а сама ушла посмотреть все ли в доме в порядке после зимы.

Они сидели молча, любясь. Картина была необыкновенная. Одни цветы росли спиралью, выкидывая вверх шапки пестрой зелени и из нее букеты оранжево-розовых и нежно-голубых цветов. У других кустов ветви росли серпами с длинной бахромой самых разнообразных оттенков. Иные деревца были покрыты точно тонким тюлем огненно-красного, ярко-желтого и оранжевого цвета.

Мужчина прервал наконец молчание.

— Ничего подобного в жизни своей не видал, — произнес он с необычным для него оживлением.

Дама воскликнула.

— И тишина какая! Значит, берем, *Alexandre?*

— Что ж искать лучше! Все условия на лицо: далеко от

Н о в о с е л ь е

людей, простор, тишина и роскошь этого сада. Одно только, — дороговато.

— О чем говорить!

Она прижалась к нему, ища ласки.

— Мы будем счастливы тут, Alexandre, правда?

Лицо его сразу одело привычную маску.

— Постарайся, по крайней мере, — скучно ответил он.

— Ах, только бы дети к тебе привыкли, — высказала она видимо мучившую ее мысль.

— Привыкнут, чего им не привыкнуть? — опять скучно процедил он. Но почувствовав ее полный бюст, тесно к нему прильнувший, он, немного оттаивая, пошутил: — А то мы с тобой новых ребят заведем, а, Наталия?

Она притянула его за шею и прижалась к нему губами.

«Молодожены, верно», подумала мадам Коппэ, вернувшаяся после осмотра дома в соседнюю с балконом комнату.

Она отвернулась, подождала пока приезжие снова заговорили и вышла к ним на балкон.

— Мы берем эту виллу, мадам Коппэ, — сказала дама.

— На год, мадам?

— Надеюсь, на много лет, — ответила дама.

*
*
*

Догадка мадам Коппэ, оказалась почти верной, хотя женаты они не были: сошлись они сравнительно недавно, и теперь вот решили поселиться вместе. По своему общественному положению они составляли, по тем временам, совсем необычную пару.

Наталья Николаевна Мердер, урожденная фон Эбергард, была вдовой недавно скончавшегося генерал-лейтенанта, сенатора Павла Карловича Мердера. Сама родом из зажиточной обрусевшей немецкой семьи, она по положению мужа принадлежала к высшим кругам общества обеих столиц. В Москве, где у них был дом — полная чаша, генерал Мердер занимал видный пост председателя седьмого гражданского департамен-

та правительствующего сената, помещавшегося тогда во второй нашей столице. А в Петербурге жила родня покойного генерала, предок которого, саксонский дворянин, переселился в Россию в начале XVIII века. В XIX веке Мердеры пользовались большим расположением Двора в силу того, что брат Павла Карловича, Карл Карлович Мердер, был воспитателем Александра II. У него было четверо сыновей, все лажи: старший, Карл Карлович, преображенец, и под конец жизни генерал-адъютант; Павел Карлович, тоже преображенец; Николай Карлович, командир лейб-гусарского Павлоградского полка, флигель-адъютант и свитский генерал; и Иван Карлович, желтый кирасир, шталмейстер и директор канцелярии главного управления государственного коннозаводства. Таковы были общественное положение и родня мужа, определявшие место Наталии Николаевны в петербургском и московском обществе.

Вышла она замуж очень молоденькой. Родители выдали ее, очевидно по расчету, когда ей было лет шестнадцать, за старика: генералу в то время шел шестьдесят третий год. Но старик он был крепкий, а Наталия Николаевна натуру имела немецкую: чувственную и плодовитую, и родила мужу четырех детей: Николая, Ольгу, Владимира и Августина. Шли годы. Молодая генеральша, настоящей любви не знавшая, продолжала оставаться молодой. Когда генералу пошел восьмой десяток, ей было всего тридцать с небольшим; дама она еще была, как говорится, в полном соку, и настоящей мужской ласки ей недоставало.

О Трофимовском мы знаем только, что он принадлежал к духовному сословию, учился в семинарии, много работал над своим образованием, получил священство и не то сам сложил с себя сан, не то был расстрижен, вступив на путь революционера. Дело это было довольно заурядное в ту эпоху «великих реформ»: духовные семинарии с их весьма солидной образовательной программой с одной стороны, и сухой схоластикой и рутинерством с другой многих юношей отвратили от религии и толкнули на путь революции.

Словом, с точки зрения того общества, к которому при-

надлежала Наталия Николаевна, Трофимовский был плебей. Среди сколько-нибудь видных революционеров конца шестидесятых, начала семидесятых годов мы имени его не встречаем. Повидимому, он принадлежал к одному из тогдашних мирных революционных кружков, которые задачей своей ставили просвещение темных масс, распространение полезных книг и открытие библиотек и школ, за что эти мирные революционеры попадали, однако, массами и в Петропавловку, и в Сибирь — в места столь отдаленные. Встретились Трофимовский и Наталия Николаевна в одном из таких нелегальных московских кружков, куда в ту эпоху освободительных веяний тянуло многих молодых барынь, томившихся от безделья. Трофимовский был мужчина видный, глашатай смелых мыслей. На почве идейной сошлись, по почве физиологической сблизились. Наталья Николаевна отдалась этой страсти безраздельно. Трофимовский к ней снизошел. Точек соприкосновений между ними было мало. Она была духовно бесцветна, он — очень развит и умен. Она жила традициями сытого немецкого мещанства, он был циник и нигилист в духе своего времени.

На его след напали, пришлось скрыться в Женеву — пристанище всех тогдашних революционеров. Расстаться с ним Наталья Николаевна не нашла в себе сил. Тут кстати умер генерал, 78 лет отроду. Ликвидировав его дела, что дало ей солидное обеспечение, которого хватило на 24 года безбедной жизни за границей, зимой 1873 г. она с детьми навсегда покинула Россию под предлогом, что доктора предписали им теплый климат. Скандализованная родня мужа, несомненно знавшая истинную причину бегства Натальи Николаевны, ее не удерживала; вероятно, они нашли более удобным, чтобы вдова генерала Мердера скрыла за границей концы своей связи с отщепенцем и революционером. Особенно глубоко повидимому пережил семейную драму старший сын Николай, которому в год бегства матери было лет 16. Лишенный возможности продолжать учение в аристократической военной школе, считая свою жизнь загубленной семейным скандалом, по приезде за границу он сразу же бежал в Африку, чтобы поступить в

Иностранный Легион, службой в нем смыть с себя позор и навсегда исчезнуть из жизни матери.

Проведя месяца два в Неаполе с остальными тремя детьми, Наталья Николаевна в мае устремилась в Женеву, чтобы навсегда соединиться с Трофимовским. Детям ее в то время было: Владимиру лет 14, Августину лет 10 и младшей Ольге лет 8.

Отличительными чертами характера Натальи Николаевны были исключительная доброта и непрактичность. Взять в свои руки инициативу и наладить новый домашний быт она оказалась неспособной, а Трофимовский не чувствовал к этому никакой склонности. Это был тип разочарованного Рудина, утратившего всякую охоту стремиться на баррикады и мирно прозябавшего за счет своей возлюбленной. Изверившись в возможности помочь русскому народу в сколько нибудь близком будущем, неудачный революционер махнул на все рукой и глушил свою тоску по родине чтением и любимым своим цветочеством. Нашлось еще занятие: Наталия Николаевна попросила его взять на себя воспитание детей. Он начал было с охотой. Но со свойственной детям наблюдательностью мальчики скоро подметили, какого рода отношения существуют между матерью и их воспитателем. Им стало стыдно и больно за мать, а Трофимовского они возненавидели, взвалив на него всю ответственность за то, что мать бежала за границу, вырвав их из налаженного порядка жизни. И занятия пошли через пень колоту.

В доме стоял сумбур. Вилла стала излюбленным пристанищем русских политических эмигрантов. Самовары не сходили со стола. Спорили и кричали до одури. Кто хотел ночевать, спал на чем придется. Доброту Натальи Николаевны эксплуатировали все. Провизия закупалась громадными количествами и исчезала с непонятной быстротой. Посуда и кухонная утварь гуляли по соседям. Заболел кто-нибудь у знакомых и даже незнакомых, бежали к русской даме, и она проводила

Новоселье

ночи напролет в чужих домах, бегала за докторами и оплачивала их визиты. Ее самоотверженной доброте не было границ, и такая добровольная благотворительная деятельность была ей по душе, давая содержание ее выбитой из колеи жизни. А дома шла бестолочь.

Ошалев от нее, семья вдруг срывалась и летела через всю Швейцарию в какой-нибудь пансион, где, как кто-то сказал, можно пожить спокойно и дешево, точно дома этого нельзя было сделать. Потом неожиданно срывались и летели домой, чтобы немного погодя ринуться куда-нибудь в Италию, которую без толку избородили вдоль и поперек. У Наталии Николаевны сердце замирало при мысли, что деньги уходят зря, что дети не учатся толком и что вся эта безалаберщина рано или поздно к добру не приведет. Она умоляла Трофимовского взять мальчиков в руки и заняться ими, как следует.

— Что я поделаю, — пожимал он плечами. — Твои аристократики презирают меня, носики свои сенаторские от моего плебейства воротят, о лицах и пажеских корпусах мечтают. Я их переделать не могу. Испорченный материал. Роди мне новых. Своих я сумею воспитать по-своему.

**

Среди толчеи домашней и кочевой жизни у Наталии Николаевны в 1877 г. родилась дочь. Этого ребенка, из которого выросла девочка с чисто русской душой, назвали почему то Изабеллой, а отчество и фамилию ей дали материнские. Таким образом в метрических книгах Мерена появилась новая гражданка Изабелла Николаевна Эбергард. Впоследствии все это перепутали, и о рождении Изабеллы сложилась такая нелепая легенда: родилась в Женеве от отца, русского мусульманина, умершего вскоре после ее рождения, а воспитана двоюродным дедом, жившим в доме матери, которого звали Вавой. Как видно из дневников Изабеллы, Вавой она с ранних лет привыкла звать Трофимовского.

Когда она достаточно подросла, то из рук матери пере-

шла в полное ведение отца, решившего положить в основу ее воспитания принципы «великого женева» Руссо, как он их изложил в своем «Эмиле». Чтобы раз и навсегда искоренить в ней женское тщеславие и страсть к нарядам и ювелирным побрякушкам, Трофимовский нарядил ее в костюм мальчика, и с тех пор мужской костюм в том или ином виде стал ее постоянной одеждой. Для развития в ней физической силы и ловкости он ввел в ее воспитание пилку и рубку дров, работу в саду, верховую езду, плавание, стрельбу из револьвера и ружья. В учебную программу вошли общеобразовательные предметы, очень подробный курс русской и иностранной литературы и языка: русский, французский, немецкий, латинский, греческий и даже арабский. Почему арабский? На всякий случай. Трофимовский знал его довольно хорошо со времен семинарии. Проходя с ней русскую историю, Трофимовский подробно развивал картину русской действительности, говорил о темноте, грязи и голоде русской деревни. Читая с ней Достоевского и Некрасова и толкуя их, он на всю жизнь вселил в ней жалость к бедным и угнетенным. Знакома ее параллельно с произведениями Руссо, он внушил ей ненависть к феодальному обществу, к сильным мира, эксплуатировавшим деревенскую и городскую бедноту Франции. Разбираясь с ней в политических учениях Руссо, Трофимовский с ранних лет сделал из нее убежденную демократку. Другие произведения «великого женева» в не меньшей степени способствовали выработке ее духовного мировоззрения. «Новая Элоиза», в которой отец лирического романтизма в Европе впервые воспел и идеализировал половое влечение, провозгласив свободную любовь «дорогой к добродетели», осталась не без влияния на Изабеллу, унаследовавшую чувственную природу матери.

Особенно интересовалась пытливая девушка вопросом о Боге и религии. Обсуждение этих вопросов Трофимовский отложил до ее духовного совершеннолетия, т. е. 16-ти лет, чтобы она могла сознательно разобраться в них. Тогда он дал ей прочесть несколько книг, включая четвертую книгу «Эмиля» того же Руссо, который устами смиренного приходского священ-

ника-савояра с чрезвычайной силой и простотой излагает идею натуральной религии, приходя к выводу, что ощущение Бога в сердце своем есть и истинное познание Его, и способ общения с Ним, т. е. молитва. Это Изабелла восприняла пока теоретически, еще не ощутив Его в сердце своем.

**

Изабелле пошел 17-й год. Духовно она была очень развита, выглядела же стройным юношей с милостивым лицом. Она лихо скакала, метко стреляла из ружья и охотно исполняла всякую тяжелую работу по дому и саду.

Тем временем жизнь на вилле шла попрежнему сумбурно. Нервная атмосфера сгущалась. И, наконец, разразилась гроза.

Развал семьи начался с бегства Ольги, которое послужило толчком к дальнейшему развитию драмы. Изгрызенный неврастением, Владимир покончил с собой, открыв газовый рожок в своей спальне. Эта трагическая смерть так повлияла на Августина, юношу чрезвычайно безвольного и нерешительного, что он последовал примеру сестры и тоже бежал. Это было большим ударом для Изабеллы: между ними существовала великая дружба, почти любовь, скрепленная клятвами в вечной верности. Через два месяца от Августина пришла краткая записка с сообщением, что он солдат Иностранного Легиона в Африке.

Под влиянием всех этих драм у Наталии Николаевны начались сердечные припадки. Трофимовский впал в мрачную тоску. Атмосфера сгустилась до крайнего предела. Неизбежен был тот или иной перелом.

Весною этого же 1897 г. на виллу зашел бродячий фотограф из города Бон в Алжире, где у него был собственный дом. Разговорились о климате в Бонн, и с двух слов сняли на лето дом фотографа. Изабелла с матерью покатали в Африку. Трофимовский остается дома. Он не может вынести тоски одиночества и вскоре тоже кончает самоубийством.

Восточный колорит Африки сразу и навсегда очаровал

Изабеллу: красная земля; причудливые корявые деревья в узлах; поэтические муэдзины на вышках минаретов, призывающие благоверных к молитве; белые «кубы» на веселых кладбищах среди яркой роскоши азалий и роз.

Изабелла одела простой арабский бурнус, в котором ее стали принимать за студента одной из монастырских школ «зауий», смешалась с уличной простонародной толпой, с жадным интересом отдалась изучению окружающей жизни, быстро усовершенствовала свой арабский язык и переняла обычаи арабов. Чтобы окончательно слиться с новым окружением, оставалось сделать еще шаг — принять религию ее новых друзей, хорошо знакомую ей по рассказам Трофимовского. И давно чувствуя потребность найти своего Бога, она сделала это просто, без всякой аффектации.

Поводом послужила неожиданная смерть матери. Потрясенная, ввергнутая в отчаяние, не в силах переносить своего одиночества, Изабелла пошла в мечеть, распростерлась на циновке и растворилась в немой молитве. Принять мусульманскую веру было для нее тем более легко, что учение это чуждо всяких обрядностей, которые отпугивали ее от других религий. И самая суть этой религии бедных сынов пустыни как нельзя более отвечала мировоззрению Изабеллы: «мусульмане — братья по религии; они не должны притеснять друг друга, а помогать во всяких случаях жизни и желать своим братьям то, что они желают самим себе». Как эта девушка с русской душой была настроена к принятию ислама, можно судить по следующей записи в ее дневнике: «Я чувствую, что меня могут привлекать только души, подверженные возвышенному и благородному страданию, называемому неудовлетворенностью, вечным стремлением к идеалу. Это мистическое чувство должно постоянно помогать нам возноситься в высшие миры — в Великое Потустороннее... Спокойное состояние, дающееся по достижении той или иной цели, меня никогда не удовлетворяет. Я считаю действительно высшими существами в этом мире тех, кто способны испытывать возвышенное страдание, вызываемое постоянным

Н о в о с е л ь е

стремлением совершенствовать свое внутреннее я. Я ненавижу людей удовлетворенных собою, своей судьбой, своим умом и своим сердцем».

Воспитать себя по-спартански, духовно и физически, среди диких условий жизни в великой пустыне, стало отныне целью Изабеллы. О том, что она в эту пору считала идеалом жизни, она говорит в посмертном романе автобиографического характера «Tristandeu» в применении к герою его, свободолюбивому петербургскому студенту, Дмитрию Оршанову: «Выйти утром и уйти навсегда, одному и без денег, на завоевание мира... Стать свободным бродягой, который спит у края дороги, ничего не имеет и ничего не желает; кто не борется ни с собою, ни с другими; кто идет счастливый своей независимостью, свободный от всего материального, утратившего власть над ним...»

Новые яркие переживания пробудили литературный талант Изабеллы. Испробовав свое перо довольно удачно, она решила избрать писательскую карьеру — не ради тщеславия, которого она была совершенно чужда, а чтобы испытать чистые радости творчества. Походившая в своем бурнусе на молодого араба, она носилась верхом по Сахаре в поисках новых впечатлений, все более и более отдаваясь очарованию пустыни. В ней она нашла новую родину. С этого времени Изабелла Эбергард совершенно перестала существовать. На ее месте появляется молодой араб Махмут Саади.

* * *

Обладая чувственной натурой, унаследованной от матери, Изабелла еще в Европе познала невинный флирт и увлечения может быть и не совсем безгрешного свойства. Но настоящая любовь пришла в Африке.

Однажды, устав от целого дня верховой езды, она прилегла ночью на теплом песке Сахары неподалеку от городка Эль Уэд, где она в то время — в 1900 г. — жила. Молодой стройный араб-кавалерист, возвращавшийся в городок, под-

ехал к ней и спешил. Звали его Слиман Энни, и был он вах-мистром в местной арабской кавалерии, входившей в состав французской армии. Он был довольно развит и начитан — для знакомства нашлась почва. Звездное небо. Синяя ночь. Теплый песок дюны. Вероятно, они под утро вернулись мужем и женой в этот городок Эль Уэд, ибо вслед затем они поселились на окраине его в бедной лачуге — без гроша за душой, безумно влюбленные и сумасшедше счастливые. Слиман жил в казармах, навещая ее в дни отпусков. Оставаясь одна, она писала и отдавала много времени добрым делам. Вскоре все бедные жители городка узнали ее. Она помогала им чем могла: улаживала семейные раздоры, нянчила детей, ухаживала за больными. Знания, приобретенные на медицинских курсах в Женеве, которые она одно время посещала, очень помогли ей в ее благотворительной деятельности. Слава о ней распространилась далеко за пределами городка.

Как всякий мусульманин, Слиман принадлежал к духовному братству. Его братство, одно из самых старинных, звалось Кадрия. Глава его, великий марабу Си-Лахми, произвел очень большое впечатление на Изабеллу. Она тоже поступила в члены братства, и мудрый старик стал ее другом и покровителем, не раз выручая и деньгами, и советом.

В эту пору у них была вечная нужда в деньгах. Вечные долги. В холодные, дождливые дни нечем было топить развалюгу лачужку. Мучили приступы желтой лихорадки. Но Изабелла никогда не унывала. Когда становилось особенно тяжело, Махмут Саади седлал свою лошадку и скакал в пустыню, проводя там целые дни и ночуя в какомнибудь оазисе в компании охотников, принимавших его за молодого араба и обращавшихся с ним соответственно. В Сахару она была влюблена так же страстно, как в Слимана. «Ни одно место в мире никогда не очаровывало меня так, как этот огромный высохший океан песка, пустынный и вечно находящийся в движении», записала она в своем дневнике.

Однажды во время таких скачек по Сахаре в 1901 г., она встретила Си-Лахми, отправлявшегося на паломничество в

Новоселье

один из монастырей. Она присоединилась к его каравану. В придорожной деревне, милях в 15 от Эль Уэда, они остановились в доме местного шейха. Почетные жители пришли проводить великого паломника. Во время мирной беседы, местный житель Абдалла, религиозный фанатик, ворвался в комнату и стал рубить Изабеллу острой саблей. Его арестовали. Притворяясь сумасшедшим, Абдалла об'яснил, что ему было видение ангела, вооружившего его и велевшего убить Махмута Саади. Как увидим, повод был совсем другой.

Сильно израненную Изабеллу понесли на носилках в французский военный госпиталь в Эль Уэде. Когда ее пронесли через селения, женщины и мужчины, узнав, что несут раненого их друга Махмута Саади, оглашая воздух скорбными криками, провожали носилки до госпиталя и там ждали, что скажут врачи.

Изабелла провела в госпитале несколько недель, сильно страдая от ран. Когда они зажили, она поехала в военный город Батну, где в то время служил Слимман. Тут французская полиция сразу взяла ее под строгий надзор. Станным казалось, почему русская девушка стала мусульманкой и живет в Сахаре. Возник вопрос, не английская ли она шпионка или не секретный ли агент одного из враждебных правительству религиозных магометанских братств. Несчастное совпадение как бы подтвердило подозрения. Как раз в это время появился нашумевший французский роман, героиня которого сеяла смуту между арабами Сахары. Полиция приняла ее за Изабеллу. И пошли большие стеснения. Ссылаясь на законы, начальство Слиммана отказало ему в разрешении вступить в брак с Изабеллой на том основании, что она иностранка. Чувствуя постоянную слежку за собою, Изабелла не могла писать, а ее литературный заработок был главным подспорьем в их хозяйстве. Опять не на что стало покупать дрова в холодную, дождливую погоду, а весь гардероб Изабеллы состоял из легкого летнего бурнуса и стоптанных туфель. Простой хлеб был их главной пищей.

Но все это было ничтожно по сравнению с тем, что ей

пришлось вынести во время судебного разбирательства дела Абдаллы. Вызванная свидетельницей, Изабелла сделала все, что могла, чтобы добиться оправдательного приговора для своего обидчика, сообщив, что как ей удалось узнать, Тиджанское братство, враждебное братству Кадрия, подкупило темного Абдаллу, нуждавшегося в деньгах, чтобы он убил ее и тем досадил кадрианам. Но суд не принял во внимание ее показаний и приговорил Абдаллу к пожизненным каторжным работам. Тогда Иабелла сейчас же вручила суду петицию на имя президента республики, ходатайствуя о помиловании ее обидчика. Вследствие этой петиции, срок каторжных работ был сокращен до 10 лет. А в ответ на подачу петиции, Изабелле сразу был вручен приказ начальника алжирской полиции о высылке ее из Африки навсегда и без объяснения причин. Тщетно протестовала алжирская пресса против этого нелепого и жестокого приказа, лишавшего Изабеллу заработка журналистки и разлучавшего ее со Слиманом. Она была депортирована в ужасных условиях в четвертом классе парохода в Марсель, где жил теперь Августин.

Радости свидание это не сулило. С Августином у нее начался разрыв после того, как он женился на какой то очень вульгарной, сварливой девушке, которую Изабелла презрительно зовет в своем дневнике «эта Женя работница»; при всех своих демократических вкусах, вульгарности Изабелла не выносила.

В Марселе у Августина была бакалейная лавочка. Он опустился. Изабеллу встретил очень холодно. Чтобы платить ему за крохотную комнату и посредственный стол, ей приходилось днем работать в порту, а ночью писать. «Женя работница» не давала ей покоя вульгарными сценами. При всем том Изабелла терзалась за Слимана, который заболел туберкулезом и был помещен в госпиталь в Батне. Но духом она не пала. «Страдания полезны», утешала она себя в своем дневнике, «ибо они облагораживают для неведомых скитаний в будущем Там. Без этого Там все подло и глупо».

Н о в о с е л ь е

Вскоре истек срок военной службы Слимана. Поправившись, он поспешил приехать в Марсель, чтобы взять гражданские бумаги и узаконить свой союз с Изабеллой. Таким образом, она превратилась в Мадам Энни, жену натурализованного французского гражданина. Приказ о депортации Изабеллы Эбергард утратил силу, и в конце 1901 г. она вернулась с мужем в Африку, чтобы уж никогда с ней не расстаться. С Августином она больше не встретится: он вскоре последует примеру Владимира и Трофимовского — тоже покончит с собой.

Возобновленная связь с любимой страной пробудила с новой силой творческий талант Изабеллы. Она избородила Алжир вдоль и поперек, наполняя свою записную книжку яркими сценами с натуры и иллюстрируя записи набросками пером — в Женеве она брала уроки рисования. Живя подолгу в Алжире, в Бонне и Телесе, где Слиман получил место секретаря в городском муниципалитете, она продолжала изучать нравы городской толпы, посещая даже трущобы, населенные проститутками. Оттуда взяты типы русских проституток в романе «Trinacœur», и они вышли очень правдиво. В то же время она не забыла благотворительности, помогая бедным и больным; сегодня она спасает из горящего дома девочку, завтра несет на своей спине в госпиталь за несколько миль больного старика, брошенного родными, и т. п.

Наконец, Алжир был изучен, и Изабеллу потянуло в более примитивные, дикие пространства юга с их старинными берберскими крепостями — ксурами — за белыми стенами. Ее мечта побывать там осуществилась в 1903 г., когда в Южном Оране вспыхнуло кровавое восстание туземцев, и французские войска были срочно посланы усмирить бунт. Она проделала этот поход с армией в качестве военного корреспондента. Ее путевые заметки, полные ярких красок и наблюдательности, собранные позже в книгу «Notes de route», дали ей славу «современного Фромантена». В следующем году она снова прожила несколько месяцев в Южном Оране, изучая быт и нравы знаменитой «зауи» — старинного монастыря

братства Зиания. Наброски, сделанные там, вошли в ее книгу «Dans l'ombre chaude de l'Islam». Эта книга вместе с другой — «Pages d'Islam» — заслужила ей прозвище «Пьера Лоти Сахары».

**

Во время своего второго посещения Орана Изабелла заболела желтой лихорадкой в острой форме и пробыла несколько недель в госпитале городка Аин-Сефра на речке Уэд. Тоскуя по мужу, она, еще не поправившись, покинула госпиталь и наняла маленький дом на самом берегу Уэда. В третью годовщину их гражданского брака приехал к ней Слиман. Забыв на радостях о лихорадке, она приготовила мужу отличный «кускус», к которому Слиман добавил бутылку доброго алжирского вина.

После ужина Изабелла принялась подробно вспоминать всю свою жизнь день за днем с минуты встречи с ним, навевая на него глубокую грусть.

— Брось, Изабелла, — сказал он, наконец. — Можно подумать, ты прощаешься с жизнью. Она у нас с тобой вся еще впереди. Мы оба скоро поправимся и заживем на славу.

— Конечно, конечно, милый, — поспешила она успокоить Слимана. — Я в этом несколько не сомневаюсь.

А смерть уже стояла у порога.

Они проболтали до глубокой ночи. На дворе лил дождь. В старой лачуге стало промозгло сыро. Слиман раскашлялся. Она напоила его теплым, уложила в кровать.

Они проснулись в десятом часу утра. Ливень прекратился, но Уэд ревел зловеще. Встав, они мирно сели пить кофе, не обращая внимания на беспокойное мычание скота и крики, доносившиеся снаружи. Вдруг послышался грохот. Они бросились к окну и — увидели картину смерти и разрушения: вздувшийся Уэд выступил из берегов и неся бешено, увлекая все, что попадалось ему на пути — людей, скот, целые дома. Соседний дом только что рухнул.

Н о в о с е л ь е

— Снимай сапоги и платье, живо! — крикнула Изабелла.

Сама она, как он после рассказывал, выхватила толстую рукопись из чемодана и засунула ее под пояс. Потом она с страшной силой оторвала две толстых доски от стены. Она была спокойна, как всегда в минуту опасности, движения ее были отчетливы.

— Помоги мне снести их вниз, — приказала она, протягивая ему доски.

Они спустились с лестницы. Слиман трусил, он не умел плавать.

— Не бойся, я спасу тебя, я хорошо плаваю, — успокоила она его. — Держись крепче за доску. Ну, теперь с Богом.

Они плечами высадили дверь. Грозный поток ворвался. Еще мгновение, дом их рухнул, и Слиман потерял сознание.

Его спас сосед. Изабелла исчезла. Генерал Лиотэ, командующий округом, большой ценитель таланта Изабеллы, немедленно приказал принять все меры, чтобы найти ее. Ее отыскали на следующий день под развалинами одного из соседних домов. Рядом с нею лежала спасенная ею рукопись. Это был ее последний роман «Trinacœur». Рукопись книги «Dans l'ombre chaude de l'Islam» была найдена под развалинами ее домика несколько месяцев спустя. Похоронили Изабеллу с военными почестями в присутствии генерала Лиотэ, ставшего впоследствии маршалом Франции.

Смерть оборвала писательскую деятельность Изабеллы, когда ей было всего 27 лет. Если бы не этот трагический случай, она могла бы быть нашей современницей и, вероятно, очень известной: оставленное ею наследие говорит за это.

Доходами со своих книг Изабелла не воспользовалась. Это сделали за нее издатели после ее смерти, один из которых обобрал ее во всех отношениях самым бессовестным образом, выдав себя за ее со-автора. Его изобличил в своей прекрасной и благородной книге мой добрый знакомый, известный беллетрист Raoul Stéphan.

Несколько лет тому назад, в дни празднования столетия взятия Алжира, Виктор Маргерит сказал об Изабелле Эбергарт:

«И через сто лет после взятия Алжира мы фактически не покорим страны, если не сумеем проникнуть во все мусульманские сердца так же глубоко, как это сделала в свое время девушка, русская по крови и француженка, натурализованная дважды: признанием ее нашими законами и посвящением ее в нашу литературу».

С. ДУБНОВА

СОВЕТСКОМУ ПОЭТУ

На фронте, в час тревожный
Чертил я острием штыка:
«И невозможное возможно,
Дорога долгая легка».

К. Рыленков.

Жизнь не так проста, как в детстве учили
Жизнь — не марш пионерских рот.
Небылицами развернулись были,
Новый век стоит у ворот.

А таким, как ты, одно лишь осталось:
Самой горькой платить ценой,
Чтобы новое небо над нами стлалось,
И над ней, над твоей страной.

Ты не так ведь прост, как твердят иные,
Потерявшие отчий дом,
И строкой из Блока горит Россия
В дневнике походном твоём.

С. ДУБНОВА

П А Р Т И З А Н

Он придет из багрового мрака
Догорающих сел.
Кулаки узловатые брякнут
О погнувшийся стол.

Молча, брови тяжелые сдвинет...
Не зови. Не тревожь.
Что под темными веками стынет,
Все равно не поймешь.

Никакими людскими словами
Ведь не молвить о том,
Как погибель гремела мостами,
Как ждала за кустом...

Перед ним и за ним — пепелище.
Даль лесная — в огне.
Что ж томится, чего же он ищет
В смутном завтрашнем дне?

Может, дом свой отстроить захочет
Под навесами ив?
Может, примется плугом ворочать
Пашню, родину, мир?

С. ДУБНОВА

РАСПУТЬЕ

Бомбы взорвали
Не только жизни, не только камни.
Гляди — слова, что когда то пылали,
Лежат черепками.

Надень оковы,
Свое смиря высокомерье.
Учись свободе суровой, новой
И новой вере.

Ведь нет возврата. Путь будет долог
Среди потемок.
Не усмехнется, откинув полог,
Дальний потомок.

ИРИНА ЯССЕН

Миги вдохновенья,
Стихла непогода,
Вскрыло отречение
Ясный лик свободы.

Жизнь вернулась снова
В ореоле славы,
Искрами живого
Огненного сплава.

СМЕРТЬ МЕИРА БАЛАБАНА

Иосиф Опатошу — известный еврейский писатель. Из его книг особенным успехом пользовалась историческая эпопея «В польских лесах».

Открытый автомобиль поворачивал то вправо, то влево среди развалин домов и торчавших отовсюду обломков каменных стен.

Июньский воздух пропитан был дымом и смрадом. Чадил, догорая, скелеты зданий, и тяжелое зловоние стояло над грудями мертвых тел, валяющихся среди рухнувших кирпичей.

Автомобиль сворачивал с Гусьей улицы на Смочью, со Смочьей на Дикую, с Дикой на Бонифратерскую. Еще совсем недавно здесь были границы варшавского гетто. Теперь — ни улиц, ни стен, ни людей, одни лишь тлеющие развалины. Словно пронесся огненный смерч, и земля разверзлась, поглотив все живое.

Автомобиль остановился. Первым вышел Ганс Вурцель, заведующий еврейскими библиотеками и музеями; вслед за ним — профессор Меир Балабан.

Широкая спина Балабана была сгорблена, наполеоновская бородка и шляхетские усы растрепаны; лицо его — морщины, складочки, бородавки — напоминало помятую географическую карту.

Пятнадцать лет тому назад Ганс Вурцель, ополяченный немец из Лодзи, изучал историю под руководством Балабана, и звался он тогда не Вурцель, а Вежинский. По окончании университета Вежинский получил кафедру истории. В доме Балабана был он в ту пору частым гостем.

После падения Польши Вежинский сразу об'явил себя

Новоселье

«фольксдейтше» и снова превратился в Вурцеля. Сношения с коллегами и знакомыми из польской среды он резко оборвал; но связь с еврейским ученым сохранилась и когда в ведение Вурцеля перешли конфискованные еврейские библиотеки, сортировка материала была поручена Балабану. По распоряжению своего шефа Балабан принялся за составление монографии «История варшавских евреев», которая должна была быть написана по немецки.

Прошел год. Балабан работал под начальством Вурцеля, который обращался с ним, как студент, переросший своего профессора. И вдруг отношения изменились: подчиненный, выполнявший различные поручения, превратился в презренного еврея, вынужденного молча повиноваться.

Теперь Ганс Вурцель шагал впереди, а Балабан плелся за ним. Вурцель вел за собой еврейского историка, чтобы показать ему разрушенное варшавское гетто. Так некогда Тит водил Иосифа Флавия по развалинам Иерусалима. Но римлянина мучили упрямые совести, и он оправдываясь, твердил, что приказ о сожжении храма был отдан другим военачальником. Он дружески беседовал с Иосифом и спрашивал, не понадобится ли ему заступничество. И когда Иосиф стал просить его спасти семь свитков Торы и семерых еврейских пленных, он обещал ему семьдесят свитков и семьдесят человеческих жизней.

А он, Балабан?

Ни о чем не спрашивал его Вурцель, да и он ни о чем не просил. Молча шагали они между камнями и грудями мертвых тел. И только на Бонифратерской Вурцель остановил своего спутника, который еле передвигал ноги в разлезшихся башмаках, стянутых веревочками. Они стояли перед обломком стены, где под черным четырехугольным пятном качался бархатный мешочек от «талеса». Вурцель указал на пятно:

— Это что такое?

— Это надпись: в память разрушения.

— Разрушения Иерусалима?

Ответа нельзя было разобрать. Лицо Балабана остава-

лось попрежнему каменным. Его спутник не повторил вопроса. Он угрюмо осведомился:

— А что с монографией?

— Три четверти уже написаны.

— Так вот напиши последнюю главу о гибели варшавского гетто, процедил Вурцель, следя за тем, какое впечатление произвели его слова на профессора.

— Хорошо, герр Вурцель.

— Сколько тебе на это понадобится времени?

— Дня три.

— Сегодня у нас среда. Значит, — Вурцель принялся загибать пальцы, — четверг, пятница, суббота: вот тебе три дня. В субботу вечером ты явишься в Бельведер и прочтешь мне эту главу.

— Слушаюсь, герр Вурцель.

— Только, пожалуйста, без всяких сентиментов, — голос немца звучал повелительно, — ты сам ведь не раз говорил, что серьезный историк должен иметь дело только с фактами и не поддаваться соблазну чувствительности. Самое важное, это зоркий глаз и тонкий нюх. Ты взглядишь в эти развалины, втяни в ноздри трупный запах, действуй глазом, а не сердцем, понял, еврей?

— Да, герр Вурцель.

2.

На обратном пути они снова молчали. Поездка была непродолжительная: автомобиль внезапно остановился. Балабан сошел и хотел было захлопнуть дверцу, но машина рванулась так стремительно, как будто решила разорвать его в клочья. Дрогнуло сердце старого ученого, перед ним словно открылся провал в пустоту, и ни жив, ни мертв добрался он до ворот своего дома. На парадной лестнице было сыро, холодно и темно, как в погребе.

Подняться на четвертый этаж было Балабану не под силу; он уселся на нижней ступеньке. Ныли отяжелевшие,

Н о в о с е л ь е

распухшие ноги. Он развязал тесемки башмаков, расстегнул пояс — и сразу оттаяли глаза, лицо, сердце, все, что казалось окостеневшим.

Горячий комок подкатился к горлу: евреи замучены, перебиты, дома их сравняли с землей. Он один остался в живых, он, Меир Балабан, и должен смотреть на все... Нет, этого ему не выдержать.

Он закрыл лицо руками и разрыдался. Укоряющий голос, казалось, шептал ему: «где были слезы, когда ты стоял над развалинами гетто? Почему ты не плакал над мучениками, чьи тела валяются среди обломков и не произнес над ними заупокойной молитвы?»

Громко рыдая, добрался он до четвертого этажа, до своего жилья. Там вдоль стен стояли рядами книги, сотни, тысячи томов... Он начал искать жену, повторяя ее еврейское имя: Гитл, Гитл... Потом стал звать дочь и обоих сыновей. Ответа не было: ведь их уже нет в живых, жены и дочери. О судьбе сыновей он ничего не знал. Должно быть погибли, сражаясь в гетто.

В платье и в башмаках повалился он на потертый диван. Густые клубы пыли поднялись к потолку. Он сразу уснул и проспал так двенадцать часов. Когда очнулся, небо чуть чуть розовело. Он открыл глаза и с недоумением огляделся вокруг. Он увидел новый, странный мир, в котором все было чужим.

Теплый рассвет, спрятавшийся под веками, ткал нить за нитью, и они вели в предместье Львова, где жили дед и отец.

Был канун праздника Шевуот. Дед гладил мальчика по голове, по круглым щекам:

— Идем, Меирка, в город, в старую синагогу; там сегодня поминают мучеников, реб Хаима и реб Иошуу Райцесов, погибших двести лет тому назад.

Десятилетний Меирка знал: львовский раввин Хаим Райцес и младший брат его Иошуа понесли кару за то, что уговаривали еврея, перешедшего в христианство, вернуться к прежней вере. Суровый приговор гласил: отрубить руки и ноги; вырвать язык; четвертовать и сжечь на костре.

Выслушав приговор, младший брат перерезал себе горло. Старшего долго убеждали перейти в христианство, сулили всякие блага. Ни о чем не хотел он слышать и только молил: «пусть истязают дольше, лишь бы не остригли бороды перед смертью».

И когда в канун Шевуота привели львовского раввина на площадь, где стоял палач с топором и пылал костер, он обратился к своим рыдающим единоверцам:

— Не плачьте, братья. Справедлива Божья кара. Нужно отрубить мне руки за то, что тесть мой купил для меня звание раввина. Нужно вырвать язык мой, потому что я учился латыни и говорил на этом языке. Об одном лишь прошу — на моем надгробном камне велите вырезать слова: «и да восплачет дом израилев над костром, который зажег Господь».

Вот Меирка с дедом уже в городе, на Сербской улице, и приближаются к колодцу: здесь, на этом месте, были преданы огню тела мучеников.

Мальчику чудится дикий рев толпы, хруст горящего хвоста, вопли терзаемого раввина. Он прижимается к деду.

— Дедушка, а у тебя хватило бы сил умереть во имя Божие?

— У меня? — шепчет дед, стоя в раздумьи у колодца.

Меирка не ждет ответа. Он чувствует в себе силу принять мученическую смерть.

Это было в 1886 году. А теперь?

Балабан поднялся и увидел трепетавшее в воздухе раннее утро. От старых стен веяло тишиной. И в тишине этой, как будто, застыл крик отчаяния: евреи перерезаны, гетто сравняли с землей. Где ты, Гитл? Где вы, сыновья мои, Александр и Лейб? И ты, моя единственная дочь?

Он обрызгал водой кончики пальцев и принялся медленно бормотать: «...и как ныне я надеваю талес в мире сем, так да сподобится душа моя облечься в него в мире ином...»

В висках стучало, в теле был жар. Издалека вдруг выплыло омытое слезами лицо.

— Мама, мама... Твой Меир не станет писать последнюю

Н о в о с е л ь е

главу о варшавских евреях, не пойдет в Бельведер... В нем жив еще далекий прадед, реб Лейбуш, «лев, дышавший мщением», который не боялся воеводы, не чтит власть имущих... И жив в нем львовский раввин, которого не могло сжечь пламя костра...

Балабан сорвал с себя молитвенное облачение, и оно распласталось по полу. Он подошел к открытому окну: все выше подымалось утро над неровными домами. Ощущение необъятного простора наполнило его мозг, вытеснив мысли — все до единой.

Он простер вперед руки, и тело его напряглось. Ближе стали придвигаться крыши. Быстрее становился полет вниз. В ушах стоял звон, в глазах — искры. И семьдесят семь лет земного существования ринулись в другую жизнь, ту, что горит и не сгорает.

Перевела **София Дубнова**

МИХАИЛ ЧЕХОНИН

В моей каморке, полной глупых снов,
Забывших книг и старых акварелей,
Совсем не слышно уличных гудков.
И дни идут — неделя за неделей,
То медленно ползут, а то быстрее...
И я живу, спокойный и беспечный,
И жду чудес и писем от друзей
И радуюсь печали скоротечной.

Как странно, что теперь идет война,
И льется кровь, и гибнут поколения.
Душа молчит, хотя она полна
Безмерного, большого возмущенья.
Душа слепа, но чтобы вновь прозреть,
Увидеть жизнь свободной и обширной,
Ей надо до конца переболеть
Великой болью, вечной и всемирной.

Душа должна пройти великий путь
Терпенья, безнадежности и муки,
Огнем должно спалить земную грудь,
Железом исколоть лицо и руки...
И будет вновь — прокатится как гром
И время отольется новым веком —
Невидимое станет веществом,
Бесчувственное станет человеком...

МОЛОТ ПОБЕДЫ

Три года тому назад первые неудачи Гитлера в России и растущие успехи советского сопротивления так поразили мир, что в иностранной печати их называли «русским чудом». Но затем «чудо» превратилось в привычку, и всякие сверхъестественные объяснения перестали казаться удовлетворительными. После Сталинграда уже нельзя было отделяться общими фразами и полу-мистическим туманом. Факты были неопровержимы: в грандиозной схватке между Германией, этой мощной военной державой, завоевавшей почти всю Европу, и Советским Союзом, являвшимся, по уверениям не только реакционеров, но и многих демократов и социалистов, «колосом на глиняных ногах», победил именно Советский Союз. Его армия в течение долгих месяцев размалывала германские дивизии с необыкновенным мужеством, упорством и военным искусством. От защиты она перешла к ряду наступлений огромной силы и размаха. Битва за Россию окончилась изгнанием немцев из пределов Советского Союза, а потом началась победоносная битва за Европу, сопровождавшаяся падением гитлеровских союзников и вторжением Красной Армии в поработанные нацизмом страны. Благодаря чему Советский Союз одержал свои победы? Чем было обусловлено его превосходство над Германией?

Некоторые иностранные обозреватели, уклоняясь от прямого ответа, пространно говорили о так называемых «приводящих факторах»: о русских пространствах, позволивших «отступление вглубь» при первом натиске германцев, тогда как, напр., французам или бельгийцам было «некуда отступить», из-за ограниченности их территории. В 1942 г. не мало писали о «генерале морозе», вытаскивая на свет Божий опровергнутую историками легенду, будто холода были причиной провала наполеоновской кампании 1812 г. (хотя, как известно, Наполеон ушел из Москвы осенью, и отступление его началось при отличной и мягкой погоде). «Генерала мороз» сдавали в архив на лето, и тогда начинали толковать о том, что для русских — «жизнь копейка», смерти они не боятся и

ни перед какими жертвами не останавливаются, а их «молодые генералы, похожие на наполеоновских маршалов», тем и берут, что не щадят «пушечного мяса».

Более осторожные комментаторы становились на точку зрения «психологического фактора». Они справедливо указывали на дух русского солдата, его выносливость и храбрость. Советские победы, по их мнению, являлись следствием героизма народа. Спор шел только о характере и происхождении этой внутренней силы. Одни старались доказать, что русские всегда отличались патриотизмом и вставали на защиту родины, когда ей угрожала опасность чужеземного захвата. Война, согласно их утверждениям, доказала крепость исконных качеств и традиций России, несмотря, а порою и вопреки революции. Победил народ, а режим, революция, правительство и прочие «временные» обстоятельства тут не при чем. Другие подчеркивали, что народный патриотизм, пройдя через закал революционных бурь, стал более сознательным и устойчивым, что можно говорить о «советском патриотизме», что военный и гражданский экзамен выдержала не Россия вообще, не какое то историческое понятие, а нынешняя живая Советская Россия.

Безусловно — психологический фактор — одна из главных сил исторического процесса. Но было бы ошибочно предполагать, что такое сложное и непомерное явление, как война и ее исход, можно объяснить только при помощи психологических формул. Совершенно естественно, что героизм бросается в глаза, что он поражает воображение, что в нем наиболее очевидно проявляются результаты множества слагаемых. Героические действия Красной Армии, партизан, гражданского населения — незабываемый пример моральной силы и внутренней спайки народов СССР. Я не хочу на этом останавливаться, потому что об этом немало уже сказано, и немало будет написано в будущем. Пройдут годы и десятилетия, а образ комиссара Клочкова, погибшего со своими товарищами на подступах к Москве, или севастопольских моряков, стоявших до последнего за родной город, или нестибаемых ленинградцев, победивших осаду, холод и голод — будут попрежнему волновать сердца и оставаться возвышенным свидетельством жертвенности и народной стойкости. Но слишком часто, в спорах о современной России, героизм служит поводом для уклонения от ряда политических ответов. Им прикрывают нежелание или неумение признать наличие и других,

Новоселье

не только психологических факторов в деле победы над врагом. Я ощущаю слепоту, лицемерие или ложь в широко распространенной в некоторой части русской эмиграции формуле: победил народ, а не правительство, не режим. Конечно, победил народ, но победило и правительство, и режим, — и кто этого не хочет сказать, попросту закрывает глаза на действительность. Любопытно, что те же люди, которые ни за что не соглашаются учесть положительной роли социально-экономического строя России и ее правительства в поражении немцев, только о них и говорили в 1941 году, когда германское нашествие разлилось по Белоруссии, Украине, Балтике и докатилось до Москвы. За поражения и неудачи был виноват режим, революция, коммунистическая партия, большевизм. Но за победы ответственен только народ, «несмотря» на режим, правительство, и прочее. Такая политическая философия напоминает мне популярную в до-муссолиневской Италии поговорку: «дождь идет, черт бы побрал это проклятое правительство». Мы ведь помним, что в 1914-1917, несмотря на патриотизм, исконные качества русского народа и традиционный патриотизм, режим войны не выдержал — ни финансово, ни экономически, ни организационно, ни морально. А в нынешней войне руководство — и военное, и гражданское, — сумело использовать народные силы, опереться на них и организовать страну для защиты и победы.

Сейчас стало общим местом, что современная война требует не только хорошей армии и искусного командования. Для ее успешного ведения необходима бесперебойная работа промышленности, транспорта, земледелия, городов и деревень. Нужна организация всего хозяйства, — и об этом слишком часто забывают при оценке наступления Красной Армии. Как бы ни была хороша эта армия, как бы ни был высок дух ее бойцов, каким искусством и талантами ни обладали бы ее вожди, — она постоянно зависит от тех, кто изготавливает ее оружие на заводах, кто доставляет ей снаряды и горючее, кто снабжает ее продовольствием и одеждой, кто дает ей рабочую силу для починки путей сообщения и перевозочных средств, кто роет могилы для ее убитых, лечит ее раненых и поддерживает бодрость в живых.

Это и есть работа тыла, работа страны, о которой мы очень мало знаем: сведения о ней в советской печати скудны

и отрывочны, и о ней умалчивают военных сообщения, говорящие лишь о продвижении войск на линии фронта.

Наше внимание естественно обращено на гражданское население городов, бывших, как Ленинград, на линии огня. Мы изумлялись выдержке и жертвенности тех, кто играл роль непосредственных фронтовых резервов — и физически, и морально. Но ведь тыл — это те обширные области, где не было слышно гула пушек, где не надо было скрываться от вражеских самолетов в бомбоубежищах. Там, на Верхней Волге или Каме, на Урале и за Уралом, в Сибири, в Азиатских республиках десятки миллионов людей работали, не покладая рук. Там был создан исполинский резервуар, та самая промышленная, продовольственная и людская база, где был выкован молот победы.

Живя в Соединенных Штатах и наблюдая огромный рост американской военной промышленности, мы готовы рассматривать это трудовое усилие, как вполне нормальное и простое явление. Но для Советской России вопрос о работе тыла осложнялся глубоко трагическими обстоятельствами. В течение двух с лишком лет почти вся европейская промышленность России была в руках врага. Речь шла не попросту о развитии уже существующего аппарата и повышении производительности труда или переходе промышленности мирного времени на военное производство. Необходимо было грандиозное «перебазирование промышленности», согласно неуклюжему выражению, распространенному в советской печати, и освоение ее на новых местах. Одна эвакуация заводов из областей, занятых немцами создавала сложнейшую хозяйственную и человеческую проблему. Советский транспорт перевез в 1941-2 гг. свыше миллиона вагонов грузов с эвакуированным оборудованием и материалами с запада на восток! Сотни заводов и фабрик были размещены в новых для них районах, обеспечены кадрами, пущены на полный ход. Надо было устроить миллионы людей, приспособить их к новым условиям труда, влить их в уже существовавшие рабочие коллективы, имевшие свои собственные навыки и традиции. Перед советским правительством и руководителями промышленности стояли невиданные в истории задачи. До чего трудно было их осуществление, мы можем догадываться по ряду произведений советских авторов, описывающих жизнь на заводах Урала и Сибири. Не надо забывать, что это размещение эвакуированных фабрик и их персонала, равно как и создание новых

Новоселье

центров производства шло в стране, еще не дошедшей до высокого уровня капиталистической промышленности Запада. Война началась задолго до выполнения третьей пятилетки, в государстве, еще не изжившем потрясения революции и хозяйственного переустройства, не обладавшем ни высокими стандартами бытового существования, ни достаточными материальными запасами. Нашествие обрушилось на Советский Союз в период его незаконченной стройки. Уже самая эта стройка была достаточно трудна, уже самый переход страны на собственную индустриальную базу и колхозное земледелие требовали исполинской затраты энергии и плановых усилий. А тут приходилось перестраивать всю экономику на военный лад, да еще переводить ее на производство вооружения — и это в момент военных неудач и захвата врагом богатых западных и центральных районов.

Летом 1942 положение усугубилось продвижением нацистов и их союзников в хлебные области юга и юго-востока, вплоть до Волги. К этому надо прибавить мобилизацию наиболее работоспособных мужчин, потерю 50 миллионов населения в оккупированных областях, отсутствие сколько-нибудь значительной помощи извне в течение всего 1941 и значительной части 1942 года. Поставки военного снаряжения из Соединенных Штатов, Великобритании и Канады достигли значительных размеров только в 1943 г., и, несмотря на их большое и несомненное значение, не разрешали основного вопроса: при современных масштабах войны и огромном расходе военного снаряжения, они составили лишь 10% того, что требовалось для армии. Остальные 90% надо было произвести самим, силами русской промышленности, руками советского тыла. И вот, если говорить о «чуде», то чудесным кажется, что за годы войны советская промышленность неуклонно развивалась — и количественно, и качественно, что за эти три с половиной года повысилась и производительность труда, и качественные показатели производства. За время войны производство самолетов и танков увеличилось втрое. Производство орудий, минометов, автоматов и различного рода боеприпасов шло таким темпом, что количественное превосходство немцев в военной технике было ликвидировано. Красная Армия не только оказалась выше немцев по духу и руководству, но и по боевому материалу. Русские превосходили врага не одним геройством, но и технически, и по количеству вооружения, и по его качеству. Немцы постоянно совершенствова-

ли свои самолеты и танки. Но уже в боях лета 1943 выяснилось, что истребители Яковлева, Лавочкина, штурмовики Ильюшина, бомбардировщики Петлякова и Туполева не уступают лучшим германским машинам. Советская артиллерия, особенно мощная самоходная артиллерия доказала свое превосходство над немецкой. Сталин заявил, что «на всем протяжении войны врагу не удалось превзойти нашу армию по качеству вооружения». Это значит, что русские рабочие, инженеры, изобретатели оказались выше немецких, потому что им приходилось трудиться в несравнимо худших условиях, чем германцам; на которых, к тому же, работала вся Европа.

Я мог бы привести ряд цифр — и о повышении добычи угля в Караганде на 37,5% в 1943 по сравнению с 1942, и об увеличении выплава чугуна на Урале на 31% за тот же период времени, и о постройке новых заводов и железных дорог на севере и востоке Советского Союза. Но я не собираюсь давать статистических сведений о размахе и результатах этого грандиозного трудового усилия. Не надо только упускать из виду, в каких условиях оно происходило. Рабочие жили в тесноте, сидели на голодном пайке, не знали отдыха. Их жертвенность и сила духа должны быть поставлены на ряду с героизмом фронтовых бойцов. Я совершенно не хочу сказать, что все всегда было хорошо. Конечно, существовали и лодыри, и бюрократы, и партийные чиновники, желавшие каждую гайку согласовать с «генеральной линией». Конечно, были и промахи, и преступления, и неполадки. Это неизбежно во всяком большом хозяйстве. Но все это тонуло и потонуло в общем море, все это не могло нарушить порыва и помешать выполнению огромного плана.

И опять таки, нельзя успех работы тыла об'яснять одной психологией, энтузиазмом «героев труда» и тех миллионов стариков, женщин, детей, которые не жалея себя работали и на полях, и в шахтах, и на заводах. Нет никакого сомнения, что над всеми этими усилиями веял новый дух коллективного творчества, и старый дух народного патриотизма. Несомненно что Россия «стала на дыбы» в этом смертельном напряжении, спасая свою землю, свои народы и свое право на будущее. В ней создалось то единство, которое заставило каждого и каждую включиться в общее дело борьбы и победы. Но было бы неправильно упускать из виду роль, сыгранную в этом правительством и его органами. Оно разделяет заслугу народа. И поэтому его нельзя отделять от народа. И точно так

же нельзя отделять результаты народных усилий от того экономического и социального строя, в рамках которого Россия не только жила последние двадцать семь лет, но и пережила испытание войны и добилась победы.

Те, кто предпочел бы оставаться на «нейтральных» позициях чисто психологических объяснений, обыкновенно говорят, что все, происшедшее за 1941-44 гг. в Советском Союзе так же не доказывает силу или жизненность советского строя, как блестящие результаты американской промышленности не могут служить основой для защиты капитализма и демократии. Мне кажется, что это рассуждение неправильно: конечно, производство Соединенных Штатов доказывает мощь и творческие способности американского капитализма и демократии. Но только в этих способностях никто не сомневался. Ведь ни одному социалисту и, вероятно, коммунисту не пришлось бы в голову отрицать производительные силы американского капитализма или блага американской демократии. Недаром в России хотели «догнать и перегнать Америку».

Но признание колоссальных возможностей американского капитализма обычно служило аргументом для противников социализма, заявлявших, что только этот тип хозяйства и способен на крупные достижения. Пример России показывает неправильность утверждения, будто хозяйственное усилие в государственном масштабе и высокая производительность труда невозможны вне рамок капиталистического режима. Наоборот, оказалось, что огромная страна может выдержать страшные удары извне, даже подвергнуться ампутации, и, несмотря на эти неблагоприятные условия, развить все свои трудовые и творческие силы, и проявить необычайно высокие моральные качества. А руководство этой страной, как бы мы ни относились к его политической доктрине, проявило себя способным направить народную волю и энтузиазм по твердому пути, организовать армию и производство и управлять «российским кораблем» в небывалую историческую бурю. Нравится нам это или не нравится, но в войне вышли победителями и Россия, и русский народ, и тот социально-экономический строй, который создался в Советском Союзе в результате революции. Это — реальный и объективный вывод из событий нашего времени. Не сделав его, нельзя ответить ни на вопрос о главных причинах русских военных успехов, ни на вопрос о будущем самого Советского Союза и основных путях его дальнейшего развития.

СИМОНА ТЕРИ.

НА ПУТЯХ ФРАНКО-РУССКОЙ ДРУЖБЫ

Симона Терн (Simone Téry) — одна из талантливых представительниц современной французской литературы. Дочь редактора парижской газеты «L'Oeuvre» и писательницы Андре Виоллис, она продолжает лучшие передовые традиции. Большим успехом пользовалась ее книга «Fièvre Jaune» о Китае. Помимо романов, пьес для театра и литературной критики, она написала путевые очерки об Англии, Германии, России, Японии, Испании и других странах, которые были напечатаны в крупных французских газетах. В ближайшем будущем в издательстве Брентано выходит ее новая книга «Où l'aube se lève». Печатаемая ниже статья написана С. Терн специально для нашего журнала.

Поездка генерала де Голля в Москву открывает еще одну главу в истории: ей суждено стать началом нового сближения между Францией и Советским Союзом.

Францию и Россию издавна связывали узы взаимного тяготения. Это может показаться странным, так как они отдалены географически и несхожи по облику. Таинственное влечение, существовавшее между ними, питалось главным образом поэтическим вымыслом; оно напоминало роман между сказочным принцем и далекой принцессой.

Гармонию изредка нарушали такие неприятные эпизоды, как непрошенный визит Наполеона в Москву, встретивший сдержанный прием со стороны русских, и столь же неделикатное посещение русскими Парижа в 1814 году. Но после этих бурных ссор, обычных между любящими, близость только возрастала.

Все русское приводило французов в восторг: музыка, литература, икра, «les moujiks», водка, балет, «charme slave», великие князья, романтические революционеры прош-

лого века, «âme slave», самовары, и даже непостижимые смельчаки — нигилисты; правда, они бог весть зачем бросали бомбы, но это происходило так далеко от Парижа, что наблюдатель с берегов Сены казалось геройским, возвышенным и трогательным... Да, мы просто обожали русских, а русские, разумеется, платили нам взаимностью. Впрочем, вам лучше знать.

В 1917 г. началась новая полоса. Французы не то чтоб разлюбили Россию, но стали относиться к ней по иному. Для одних настоящая Россия находилась здесь, в Париже; они толковали с восторженным умилением о красавицах-аристократках, гордо носящих на холодных мансардах свои придворные туалеты и жемчуга, о князьях, которые будто бы, став шоферами, отказывались принимать подачки и швыряли в грязь стофранковые банкноты — подарок прежних собутыльников. Иначе любили Россию французские рабочие, приветствовавшие рождение нового мира, зарю будущего. Россия была в довоенной Франции предметом самых ожесточенных распрей. Упоминание о ней доводило до белого каления; каждый готов был разорвать противника на части из-за далекой страны, звавшейся Советским Союзом.

Когда в 1926 г. моя мать, Андре Виоллис, задумала съездить в Россию, ее друзья пришли в ужас. Ее мужеству дивились, как дивятся мужеству укротительницы, входящей в клетку с тиграми, и храбрости исследователя, пролагающего себе путь среди лесных дебрей, населенных каннибалами. Плодом поездки был сборник очерков, которому издатель дал сенсационное заглавие: «Одна в России». Эта книга, в которой мать рассказала лишь о том, что сама видела и слышала, могла внушить читателю желание последовать примеру автора; это многих раздосадовало, тем более, что в репортажах Андре Виоллис не оказалось ни одного поджаренного на вертеле ребенка, ни единой «обобществленной» женщины. Кое-кто усомнился в добросовестности писательницы; более мягкие критики упрекали ее в легковерии.

Вокруг России создалась такая напряженная, страстная атмосфера, что объективных свидетелей никто не хотел слушать. Если журналист, посетивший Россию, говорил о ней без злости, сомнений не было: он подкуплен Москвой. Никто, однако, не задавал себе вопроса, кем подкуплены хулители Советского Союза. Правда, могло показаться странным, что люди, набившие себе карманы «московским золотом», жили

более чем скромно, в то время, как среди их противников было немало обладателей солидного капитала. Но кто же в пылу брани станет обращать внимание на такие мелочи и несообразности?

В 1935 г. я решила поехать в Москву на театральный фестиваль и выразила готовность написать ряд статей о советском театре для газеты «**Journal**» печатавшей мои очерки о Китае и других странах.

Симпатичный редактор сказал мне с улыбкой:

— А не лучше ли вам с'ездить в другое место? Мы с удовольствием поместим любую вашу статью, но только не о России. Момент, видите ли, неподходящий...

Я взглянула на него с удивлением: моя тема — советский театр — казалось, не могла внушать никаких опасений.

Конфиденциально понизив голос, он добавил:

— Поймите, что положение становится со дня на день серьезнее. Каждый должен избрать свой путь...

Путь, избранный моим редактором — да и не им одним — не оставлял никаких сомнений. Он вел прямо к саботажу франко-советского пакта, на котором не успели еще просохнуть чернила; он вел к Мюнхену, который решил обойти Советский Союз и принести в жертву дружественную нам Чехословакию на том же грязном алтаре «апизмента», на котором незадолго перед этим погибла Испания. Франция не скрывала своего сочувствия планам Чемберлена, этого почтенного джентльмена с зонтиком, мечтавшего о том, чтоб Германия и Россия перегрызли друг другу горло на глазах у демократических стран, с любопытством следящих за склокой.

Но Россия не захотела помочь осуществлению наивно-хитроумного плана. Во время долгих, томительных совещаний с какой-то неопределенной военной миссией, лишенной полномочий и авторитета, выяснилось, что Жорж Бонне попросту занимается саботажем и хочет сорвать военный союз. Это побудило Россию подписать договор с Германией, чтоб иметь передышку для подготовки к войне, которая казалась неизбежной. Тогда особенно громко стали вопить об измене те французы, которые больше всех других противодействовали военному союзу Франции с Россией.

Нужно было видеть Францию в первые злополучные месяцы «забавной войны»! Создавалось впечатление, что подлинный враг — не нацистская Германия, а Советская Россия.

Новоселье

Так, по крайней мере, могли думать люди, читающие газеты: на одну статью о немцах, которых со снисходительной улыбкой называли «фридолинами», приходилось три, посвященные преступной России.

Подтачиваемое деятелями типа Лавалля и Петэна и оравой нацистских пятиколонников, слабое правительство Даладьё воспользовалось германо-советским пактом и пустило в ход приемы, которые применялись в Германии и в Италии: коммунисты были объявлены вне закона, их газеты закрыты, 73 депутата удалены из парламента и брошены в тюрьму. Тысячи передовых рабочих, мэры, служащие муниципалитетов, профессиональные деятели, очутились в тех концлагерях, в которых томилась испанские республиканцы. Эти меры не могли, разумеется, поднять дух народа и внести успокоение в умы. Никогда еще во Франции не было такой смуты, разброда и розни, как в ту пору, когда на нее ринулись моторизованные колонны Гитлера.

Антисоветская кампания разгорелась особенно ярко в дни русско-финской войны. В то время, как у нас не хватало войска для защиты наших собственных границ, в Сирию отправлена была большая армия под командой генерала Вейгана, угрожавшая Сов. Союзу с юга; одновременно Франция снаряжала военную экспедицию, которая должна была оказать непосредственную помощь «бедной маленькой Финляндии».

К великому огорчению многих моих соотечественников Россия и Финляндия поторопились заключить мир, прежде чем Франция покрыла себя славой в войне на два фронта. Нам теперь это кажется невероятным: кабинет Даладьё пал из-за того, что Финляндия обманула ожидания многих французов и поспешила подписать договор с Россией. В парламенте на голову премьера обрушилась настоящая буря, за то что он не успел во время двинуть в Финляндию большой экспедиционный корпус, ждавший в портах Ламанша сигнала к отплытию. Даладьё оказался в меньшинстве. Спустя несколько недель немцы начали атаку...

Понадобилась немецкая оккупация, чтобы Франция прозрела. Урок забудется не скоро: слишком страшной ценой заплатила за него страна. Французы поняли, наконец, что по недомыслию принесли интересы нации в жертву политическим страстям, и что основа безопасности Франции — это тесная

связь с «естественной союзницей» — Россией. В то же время у многих открылись глаза на героизм французских рабочих: они первые оказали сопротивление врагу, саботируя промышленность, работающую на Германию. Вступление Советского Союза в войну довершило перелом: Россия приобрела неслыханную популярность, благодаря мужеству, проявленному всем ее населением и триумфу Красной Армии над «непобедимыми» полчищами фюрера.

Укреплению престижа России помогло то обстоятельство, что в течение трех лет она выносила на своих плечах главное бремя войны с общим врагом. Между тем опозоренная, истерзанная нацистскими палачами Франция с тревогой ждала десанта союзных армий. В то время многие представители буржуазии, недавно еще твердившие, что «лучше Гитлер, чем Блюм», а теперь обобранные и разоренные своими «спасителями», с надеждой обратили взоры к Красной Армии и ее руководителям.

С другой стороны, поддержка, оказанная союзниками Дарлану и Жиро в пику де Голлю, который для французских патриотов стал символом и главой сопротивления, также способствовала росту популярности Советского Союза.

По своему происхождению, воспитанию, душевному складу де Голль — консерватор. Он не скрывает своего сочувствия идее блока западно-европейских государств, включающего в свой состав Англию, блока, который стремится уравновесить советское влияние на востоке. Во время своего пребывания в Алжире он троекратно высказывался в пользу такого блока, и советское правительство через Богомолова обратилось к нему за разъяснениями.

Несомненно одно: в данном случае де Голль не является выразителем настроений большинства своих соотечественников. Новый министр иностранных дел католик-либерал Жорж Бидо, один из самых уважаемых вождей подпольного движения, заявил в Совещательном Собрании следующее: «В возрожденной Европе России должно быть отведено место, соответствующее ее значению и количеству понесенных ею жертв. Понятно, что нам нужны союзы на западе, но не менее необходим и союз на востоке. Мы ни в коем случае не можем позволить, чтоб нас замкнули в пределах Западной Европы, ибо на востоке у нас тоже имеются интересы как политического, так и морального порядка». Надо полагать, что де Голль, как

Новоселье

истинный патриот, согласится с убедительными доводами своего коллеги, бесспорно отвечающими интересам и настроениям французского народа.

Политика «санитарного кордона» и дух Мюнхена во Франции похоронены бесповоротно. Эта страна не хочет играть роль орудия в руках того или другого союзника; она видит свое истинное призвание в том, чтобы стать связующим звеном и способствовать сближению России с Англией и Соединенными Штатами. Такое сближение необходимо не только для победы над общим врагом; это — единственная сила, могущая предотвратить грядущие катастрофы и стать базой для интенсивного международного сотрудничества.

Поездка де Голля и Жоржа Бидо в Москву несомненно укрепит традиционную дружбу двух народов и сослужит службу делу демократии и мира.

От редакции

Статья С. Тери была набрана, когда получилось известие о заключении франко-русского военного и политического союза. Генерал де Голль и маршал Сталин подписали в Кремле новый союзный договор, который должен положить конец всем разговорам об «исключении» России из Европы и об образовании так называемого западного или «атлантического» блока.

И. де МАНЦИАРЛИ

ЭМИЛИ ДИКИНСОН – ПОЭТЕССА ЗАТВОРНИЦА

(1830-1886)

Уже при жизни легенда окружала Эмили Дикинсон и волновала умы в ее родном городке Амхерст, в Новой Англии, центром которого являлась Академия — ныне колледж.

Все говорили о таинственной девушке, которая в сумерки как светлое видение мелькала в окне своей угловой комнаты. Мало кто знал ее. Передавали, что несчастная любовь была причиной ее затворничества, но никто с уверенностью не мог назвать героя ее романа. Замечали только, что она все реже и реже выходила из сада, окружавшего кирпичный дом ее родителей.

Всю свою одинокую жизнь Эмили провела в Амхерсте. Ее пребывание в женской школе Маунт-Холиок было недолговременным, поездки в Бостон, Вашингтон или Филадельфию — немногочисленны и кратки.

Замурованность эта была вызвана трагическим отказом от любимого человека, подчинением воле отца-тирана, а также раздвоенностью натуры девушки, которая о себе говорила, что она «чувствует раскол в уме».

После тяжелой внутренней борьбы она отказалась от мира и зажила странной, обособленной жизнью среди любящей, но не понимающей ее семьи. Это одиночество было пронизано и озарено поэзией.

Мир ее не ограничивался Новой Англией. Магический дар раздвигал стены, расширял горизонты, погружал в бездонные глубины. «Фрегата лучше книги нет, чтоб за море уплыть, и нет коней быстрее страниц гарцующих стихов», пела она и это не было метафорой. Она владела вселенной, и вечность стояла у ее порога.

Она чувствовала, что отрешенность — ее стихия. Непомерные требования к жизни не могли найти осуществления в обыденном существовании. «В фарфоровой нашей жизни слишком часто находишь свои надежды среди кучки разбитых черепков».

Новоселье

Доверяла она только постоянству одиночества и вечности, а о преходящем предпочитала лишь мечтать. «Если не хочешь разочаровываться, будь готов к разочарованию» — становится ее философией. Реальны — бессмертие и вечность, призрачно — земное счастье. Эмили не приемлет мира. Вся жизнь ее — движение от малого к великому, от великого к малому.

Худенькая, большеглазая девушка — в то же время женщина сильной воли, которая жертвует личным счастьем во имя своего призвания. «Иные говорят "спокойной ночи" ночью, — я говорю "спокойной ночи" — днем».

Но затворничество не умиротворяет душу, которую одинаково влечет и теплый кров, и неизвестная даль. Покой и тишина необходимы, но без риска жить не стоит. Ограниченной она себя чувствует только в неудачах, неограниченной же — в замыслах. Если «силой она с Давидом сравниться не может, то отвагой его превосходит».

Экстаз сменяется у нее самоуглублением, горячая привязанность к друзьям — нежеланием их видеть, любовь к жизни — страстью к смерти. Где причина этих противоречий? Она лежит не только в обстоятельствах жизни и в характере Эмили, но и объясняется эпохой.

В стенах пуританизма появляются бреши. Старый уклад уходит в прошлое. Трансцендентализм Эмерсона разливается по Новой Англии, мысли Торо и Уитмана заражают умы. Гичком, глава Академии Амхерста, противопоставляет естественную религию книжным доктринам и вкладывает религиозный смысл в явления природы. Еще в юности Эмили слушала его лекции и читала его книги.

Семья Дикинсонов была религиозной, но не связанной обрядностью. Эмили рано перестала ходить в церковь и хотя и верила в Бога, но отношение ее к этому «соседу, банкиру и вору» было крайне своеобразно. Ее путь не приводил к догматам. Ее тянуло в сторону индивидуальных духовных переживаний. Она создавала себе свою собственную религию, собственную философию, собственную метафизику. Все в ней подлинно «свое».

Возьмем например ее отношение к природе. Так легко создать неверную картину и вообразить себе старую деву, сентиментально восхищающуюся птичками и цветочками.

Да, Эмили любила цветы. Да, она слушала пение птиц, которое может быть простым явлением, но также и боже-

ственным. Она удивлялась, что никто не признает паука художником и протягивала руку этому непризнанному гению. Она хорошо знала травы, у которых так мало жел в их простом зеленом мире, как знала она и деревья, жуков и бабочек, но... «Чтоб луг создать — достаточно ромашки, одной пчелы и грезы, а если не хватает пчел — достаточно мечты». Главное, мечты.

В росинке отражалось небо. Каждая букашка была носительницей жизни, приобщала к вечности. Все явления открывали дверь к мировой тайне.

Интенсивность ее переживаний была необычайна. Вокруг нее все оживало. «Холмы, закаты и собака — лучше людей. Они все знают, но не говорят».

Явления, существа, камни, атомы, — все становилось исходной точкой для ее творчества, от них она переходила к вселенной, к бесконечности и отражала это в своих стихах. Эти стихи, которые писались при закрытых дверях, тщательно обвязывались ленточкой и прятались в ящик, были обращены к необъятному пестрому миру, ко всему человечеству.

Эмили, которая настолько чуждалась света, что даже сама не надписывала конверты своих писем, знала, что придет время, когда свет узнает ее. Но это произойдет, когда она окончательно покинет мир.

Одиночество, несомненно, отразилось на ее творчестве и в положительном, и в отрицательном смысле. Лишенная ревнования, контактов, поэтесса иногда недостаточно работала над своими стихами, отдаваясь исключительно импульсу и вдохновению. Но в то же время именно эта вольность и позволяла ей петь на свой лад.

Она не участвовала в литературных кружках, не встречала людей, которые бы на нее влияли, критиковали бы ее. Черпала она исключительно из себя, выражалась своим языком, пестревшим непоэтическими словами вроде «клапан», «электричество», «плюш», прозаическими или юридическими терминами — отец ее был судьей, — техническими и отвлеченными выражениями.

Эмили любила слова — одно время словарь был ее «единственным товарищем», хотя она и пользовалась им скупло. Мысль выражалась одним словом, чувство одним прилагательным, намек указывал на смысл. Сжатость, краткость и напряженность характерны для нее.

В стихи Эмили Дикинсон нужно вникать, читать их вни-

Новоселье

мательно и вдумчиво. Это — поэтическая эссенция. Они трудны, — не потому что сложны, а потому что многозначительны.

Образы Эмили Дикинсон и фантастичны, и в то же время близки к жизни. Солнце у нее подметает пруд разноцветной метлой, оставляя за собой радужные нити. Иногда оно акробат. На западе оно «прыгает как леопард и умирает, прижавшись пятнистой мордой к ногам старого горизонта». Снег просеивается через оловянное сито; как алебастровая шерсть он забивает колеи дорог.

То, что у других могло быть неестественным, у нее — оригинально и картинно. В ней нет нарочитости, выдуманности ради эффекта — удивлять было некого, — нет ни следа «литературы» в плохом смысле.

Эмили глубоко любила — «мое дело — любить», — много думала и остро страдала. «За один глоток жизни с нее взяли целое существование». «За каждый миг восторга платила она смятением и мукой». «За каждый прекрасный час радости расплачивалась голодными годами, оспариваемыми копейками и сундуками слез».

Созерцательность и оригинальность выражения, столь смелые для того времени, придают творчеству этой поэтессы особое значение и ставят ее в первые ряды американской литературы.

Следуя традициям предков, она тоже была пионеркой. Сто лет тому назад она заговорила языком, которым другие начали пользоваться значительно позднее.

Писала она не для современников, а для последующих поколений. Доверяя только своему собственному чутью и суждению, Эмили Дикинсон терпеливо творила и прятала свои произведения в ящик, зная, что их время настанет. Она не ошиблась.

Со дна ее глубокого одиночества свыше пятисот стихотворений дошли до нас. Время сохранило эти бесценные жемчужины. Они рассыпаются перед нами то крупными слезами печали, то бисером смеха, то чистыми каплями росы, отражающими «ее» небо и переливающимися цветами «ее» радуги.

СВОЕ И ЧУЖОЕ

Невинные немцы

Немецкий социал-демократ Фридрих Штампфер недоволен английскими рабочими. Он советует им на страницах «Нейе Фольксцайтунг» «учиться международной солидарности» у... Вильяма Грина и даже у «некоторых английских консерваторов», у тех разумеется, которые возражают против «чрезмерного» ослабления Германии. Чем же английские рабочие огорчили бывшего редактора берлинского «Форвертса»? Дело в том, что 18 октября с. г. конгресс британских трэд-юнионов в Блэкпуле большинством 5.056.000 голосов против 1.350.000 принял резолюцию, провозглашающую ответственность германского народа в целом за преступления гитлеровской банды. Эта резолюция, предложенная англосоветским профсоюзным комитетом, была принята после речей советского делегата Владимира Кузнецова и секретаря французской Генеральной Конфедерации Труда Луи Сайян. Последний заявил, что французский пролетариат не будет поддерживать никаких отношений с немецкими рабочими до тех пор пока они не очистятся окончательно от всяких пережитков фашистской идеологии.

«Международная солидарность» в понимании Штампфера должна была продиктовать британским и французским профсоюзам совсем другое решение. Они должны были бы порвать отношения с **русскими рабочими** и выступить на защиту невинно оклеветанной Германии.

Во время войны 1914-1918 гг. Фридрих Штампфер поддерживал в «Форвертсе» воинственный пыл немецких шпицбюргеров, призывая их защищать «цивилизацию» от «казацких орд варварского царизма». Теперь он снова пугает их, — а за одно и американцев с англичанами — все теми же казаками, ибо по его просвещенному мнению советский режим — это «своего рода народный царизм (фольксцаризмус), управляющий успешнее чем старый, но и гораздо более жестокий».

Новоселье

Что же касается немцев, то он признает, конечно, что эсэсовцы — «звери в человеческом образе», но зато в Германии «имеются миллионы (sic) людей, одушевленных высокими идеалами демократии».

Редактор «Нейе-Фольксцайтунг» Рудольф Кац выражается еще более лирически: «Семьдесят миллионов немцев — умный, цивилизованный и культурный народ. Массы этого народа невиновны, по крайней мере с точки зрения права... Германский народ имеет правительство, большинство членов которого — преступники (есть, следовательно и не преступники В. С.). Но более 90% народа не заметили во время преступного характера своего правительства. Они были неосторожны. Они были доверчивы. Они побежали за демагогом... Немецкий народ ошибся, но другие тоже ошибались... Человеческому свойственно ошибаться...»

Какая, неправда-ли, трогательная картина?

«Умные и культурные» немцы читали зимними вечерами «Майн Кампф» и находили, что нет более душеспасительного чтения. Когда Геббельс, Штрайхер и Розенберг развивали перед ними план поголовного истребления евреев и обращения в рабство «низших» славянских народов, они кричали «Зиг Хайль», и им в голову не приходило, что эта заманчивая программа находилась в каком то противоречии с цивилизацией, культурой и уголовным кодексом. По наивной доверчивости своей натуры они пошли за преступными дегенератами, обещавшими им безнаказанный грабеж и легкую наживу. Разве можно на них пенять за эту маленькую «неосторожность»?

Увы, им придется за эту неосторожность довольно дорого заплатить. Английские рабочие поступили, конечно, правильно, установив на своем съезде ответственность немецкого народа. Это одно из условий решения «германской проблемы». Только на этом основании можно требовать восстановления разрушенных областей и применения к Германии мер, носящих карательный, предупредительный или воспитательный характер. Преступления Германии так чудовищны, что рассуждая теоретически можно было бы поставить вопрос о ее праве на существование в качестве самостоятельного государства или по крайней мере о лишении ее на продолжительное время политической независимости. Возразить против такого решения можно лишь с точки зрения целесообразности и практической осуществимости, а не с точки зрения права.

Во всяком случае, победители должны будут установить ее границы и ее международные обязательства, не считаясь с ее желаниями, но исходя исключительно из соображений международной справедливости и безопасности соседних с Германией государств.

Как поступить с Германией?

Немецкие социал-демократы типа Штампфера и Рудольфа Каца не только изображают немцев невинными и доверчивыми овечками, но и возражают против «безусловной сдачи». Штампфер крайне недоволен Черчилем, речи которого «звучат», как приказ». Он не понимает, как можно требовать капитуляции «не только от гитлеровского правительства и армии, но и от всего германского народа». «Демократия, пишет он, не может капитулировать... Тирания победителя быстро приведет к тому, что благотворная трещина, образовавшаяся в Германии между демократией и национализмом снова закроется». Эту фразу о «трещине» повторил в прошлом октябре на собрании лондонских эмигрантов-социалистов председатель германской социал-демократической партии Ганс Фогель. Вряд ли ему самому был ясен чудовищный смысл содержания в ней признания. Ведь она означает, что если условия мира покажутся черезчур суровыми германской «демократии», она снова объединится с той особой породой двуногих, выращиваемой исключительно в Германии, которая разрешает международные проблемы при помощи «душегубок» и закапывания детей живыми в землю.

Все соседи Германии заинтересованы разумеется в том, чтобы она стала мирной, демократической страной. Но само по себе восстановление формальной демократии (политических свобод, народного представительства) не является достаточной гарантией безопасности. Гитлер пришел к власти на самом законном и демократическом основании. Нас интересует в конце концов не то, каковы будут учреждения, выражающие политическую волю германской нации, а то, **какова** будет эта воля. Если она будет направлена на психологическую и материальную подготовку новой войны, ее нужно будет **подавить**, как бы ни была демократична новая германская конституция.

Лишь полное духовное перерождение германского наро-

да сможет восстановить наше доверие к «германской демократии». Но для такого перерождения нужна подлинная **на-родная** революция. Не смена политических декораций, а коренная ломка социальных, хозяйственных и «идеологических» устоев старой Германии, появление во главе нации новых людей, которые бы видели свою задачу не в том, чтобы оправдывать тупое и жадное немецкое мещанство, а в том, чтобы подавить и уничтожить общественные группы, являющиеся основой пангерманизма и источником фашистской заразы. К сожалению, мы до сих пор не видим никаких признаков такой революции.

Поэтому союзники должны будут произвести собственными силами такие изменения в государственной, социальной и экономической структуре Германии, которые сделали бы ее возможно менее опасной для соседей. Такими изменениями могли бы быть: 1. Сокращение территории (например, передача Польше Восточной Пруссии и образование автономной Рейнской области под международным или французским контролем); 2. Интернационализация Кильского канала и передача будущему Совету безопасности некоторых стратегических баз (например, о. Гельголанд); 3. Полное разоружение и вывоз военно-промышленного оборудования в пострадавшие страны; 4. Конфискация всех крупных предприятий металлургической, машиностроительной, угольной, электромеханической, химической, автомобильной и авиационной промышленности; 5. Арест, изоляция или изгнание — с конфискацией имущества — всех заправил тяжелой промышленности и в первую голову — участников знаменитого дюссельдорфского совещания 1931 года, постановившего финансировать Гитлера (На этом совещании участвовали все угольные бароны, стальные короли и финансовые магнаты Германии, фон Кирдорф, Крупп, фон Борзиг, Цанген, директора И. Г. Фарбен и др., всего 300 человек); 6. Роспуск картелей и трестов и децентрализация германской промышленности; 7. Конфискация земельных владений немецких помещиков и удаление этих последних из общественной и политической жизни Германии; 8. Уничтожение всех вдохновителей, организаторов и непосредственных исполнителей массовых убийств гражданского населения и военнопленных; 9. Строгое наказание всех кто пользовался награбленным добром или рабским трудом населения оккупированных стран; 10. Возмещение убытков деньгами, натурой и рабочей силой; 11. Отправка на восста-

новительные работы, если этого пожелают пострадавшие страны, в первую голову военнопленных немцев, эсэсовцев и членов национал-социалистической партии; 12. Военная оккупация и, по окончании ее, международный контроль.

Это внешнее «хирургическое вмешательство» не может дать тех результатов в смысле полного оздоровления нации, которых можно ожидать от внутренней революционной «чистки». Но, вопреки распространенному мнению, революции не импортируются.

Реорганизация германской промышленной системы, затрагивающая интересы могущественных капиталистических групп вне Германии, столкнется, вероятно, с немалыми трудностями. В английской печати уже ведется кампания за сохранение в неприкосновенности германской промышленности. В Америке имеются также адвокаты немецких трестов, но преобладающее в правящих кругах отрицательное отношение к международным картелям облегчает разрешение этой задачи. В этом смысле весьма любопытен доклад, представленный 12 ноября военной комиссии Сената США, так называемой подкомиссией сенатора Кильгора. «Для того, чтобы раздавить германский империализм, читаем мы в этом докладе, и дать таким образом возможность развития мирной и демократической Германии, необходимо так изменить структуру немецкой промышленности и ее руководство, чтобы она не могла больше служить для военных целей... Монополии и картели, которые являются питательными артериями нацистской системы, должны быть разрушены. Наказание 10.000 руководящих империалистически настроенных германских промышленников будет более действительно, чем наказание миллионов титлеровцев, выполняющих распоряжение заговорщиков».

Мы, русские, должны настаивать на том, чтобы при реорганизации немецкой промышленности были прежде всего приняты во внимание интересы стран, пострадавших от германской оккупации.

Социал-демократы и Майданек

На наказании гитлеровских преступников настаивает больше всего русское общественное мнение. В советской общей и специальной печати вопрос этот обсуждается подробно и с политической, и с моральной, и с правовой точки зрения. Американская и английская печать им мало интересуется и старается говорить как можно меньше о немецких зверствах, щадя нервы своих читателей. Время от времени появляются даже призывы к милосердию, советы лечить немцев психоанализом и витаминами и глубокомысленные юридические рассуждения о трудностях судебного расследования и международной судебной процедуры. Совсем недавно сэр Сесиль Харст, председатель Комиссии Об'единенных Наций для расследования военных преступлений, сделал представителям печати совершенно изумительные заявления. Отказавшись ответить включен ли Гитлер в список преступников, он высказал предположение, что Союзные Нации могут поступить с ним «как с Наполеоном». А самое расследование преступлений и арест преступников его комиссия намерена обставить такими формальностями, при которых вся процедура может легко превратиться в международную судебную комедию. Нужно надеяться, что Советский Союз не допустит подобной насмешки над правосудием.

Социал-демократы из «Фольксцайтунга» тоже избегают говорить о немецких зверствах. За три года их газета поместила не более пяти-шести кратких статей по этому вопросу, неизменно сопровождаая их ядовитыми комментариями по адресу Советского Союза. Она имела, выражаясь мягко, смелость протестовать против харьковского процесса. Свое вынужденное и весьма краткое сообщение о Майданеке она снабдила такими оговорками, что один из ее единомышленников не выдержал и заявил свой протест письмом в редакцию.

Не мешает привести выдержку из этого письма: «Это гнуснейшее из всех преступлений, известных в истории человечества, нужно было описать, осветить и сделать из него выводы, не затемняя ответственности и не нападая на государственных деятелей народов, проливающих кровь для того, чтобы эти преступления не повторялись. Насколько мне известно, «Нейе Фольксцайтунг» — единственная газета, нарушившая это элементарное правило. Она именно в этой свя-

зи выступила с нападками на Советский Союз, который больше чем какая либо страна, кроме Польши, пострадал от злодеяний эсэсовцев и от варварского ведения войны германской армией» (Письмо проф. Эрнеста Гамбургера в «Нейе Фольксцайтунг» от 11 ноября 1944 г.).

Германские социал-демократы уверяют, что народ — с ними. Они надеются управлять Германией после поражения Гитлера. Вряд ли они облегчат себе эту задачу своими анти-русскими выступлениями.

Динамический бред

Характерно, что в том же номере «Нейе Фольксцайтунг», где напечатано это письмо, помещен подробный отчет о докладе, «Русские планы касательно Германии», прочитанном на немецком социал-демократическом собрании г. Д. Далиным*). Этот «эксперт», именующий себя «выдающимся русским историком и экономистом» (он мог бы с равным правом назваться знаменитым физиком, балетным танцором или балалаечником) выступил как нельзя более кстати с разоблачениями тайных замыслов, которые преследует якобы Советский Союз, требуя наказания преступников. По его сведениям — (а г. Далину известно не только то, о чем Сталин говорил наедине с Черчилем или Бенешом, но и то, что он думает, когда ему не спится), — русские меньше всего заботятся о правосудии. Под предлогом наказания преступников они намерены расстрелять по меньшей мере десять миллионов немцев и немок (более 12% населения, по подсчету Далина), в том числе всех социал-демократов. Это им нужно для завоевания Европы. Дело в том, что Сталин «верит в периоды». Он считает, как это достоверно известно «выдающемуся историку», что с 1939 года начался «динамический период» и что если воевать, так уж до тех пор пока Россия не завоеует весь мир.

«Доктор Далин видит в гигантском военном напряжении России ясный симптом того, что динамический период СССР находится лишь в самом начале... Далин не верит, что война закончится, когда союзные армии войдут в Берлин. Он видит

---

*) Основные положения этого доклада изложены кроме того в статье Далина в октябрьской книжке «Америкэн Меркюри».

Н о в о с е л ь е

в новом динамическом периоде многочисленные поводы для конфликтов, при которых Германия будет играть лишь весьма подчиненную роль... Он ни в каком случае не верит в то, что Россия в теперешней динамической стадии своего развития вернется к внутренней консолидации и самоограничению... История нас учит, говорит он, что постоянное мощное давление, исходящее из подобного силового центра и направленное наружу, не легко может быть остановлено. Поэтому новые конфликты весьма вероятны» (Н. Ф. Ц. 11 ноября 1944).

Эта «большая историческая концепция», приведшая аудиторию, по свидетельству «Н. Ф. Ц.», в состояние «умственного возбуждения», означает попросту говоря, что Россия слишком хорошо воюет. Если бы она меньше напрягала свои силы, если бы Красная Армия отступила, например, за Волгу, или еще лучше, за Урал «знаменитому историку» было бы спокойнее и немцам — приятнее. Не было бы «силового центра» и не было бы «давления наружу», которое теперь уже ничем не остановишь, кроме буллитовской «третьей войны».

Весь этот динамический бред привел в некоторое смущение даже немецких социал-демократов, которые никак не могли взять в толк, почему русские хотят уничтожить германскую буржуазию и юнкеров, прежде чем броситься на Англию и Америку. Это противоречило их собственной теории, по которой Россия воюет для того чтобы... спасти германский милитаризм.

Нас это новое выступление бывшего русского политика само по себе не удивляет. Тем не менее любопытно, что в самый разгар споров об ответственности гитлеровских преступников и непосредственно после опубликования сведений о лагерях смерти в Майданеке, Освечиме и Биркенау, сотрудник «Соц. Вестника» нашел нужным выступить против русской позиции в этом вопросе и дать аргументы тем, кто хлопочет о спасении бедной, невинной Германии от свирепых «восточных варваров».

Об одной легенде

В заключение — два слова о возможном сокращении германской территории. Россия на этот счет не предъявляет никаких требований. Польша претендует на Восточную Пруссию

и Силезию. По этому поводу газеты упорно повторяют ни на чем не основанный вымысел, будто Россия предложила Польше эти территории, в виде компенсации за западную Украину и Белоруссию. При этом прибавляют, что лондонские поляки якобы отказываются от этого подарка, а люблинские вынуждены принять его под давлением России.

Все это — совершенный вздор. Во первых, права Советской Украины и Белоруссии на кровные их земли, захваченные Польшей в 1920 году, никакому торгу не подлежат. Речь может идти только об исправлении границ в ту или другую сторону. Во вторых, притязания на Восточную Пруссию и Силезию были выдвинуты **лондонским польским правительством** еще в 1940 году. Его официальный орган «Дзенник Польский» требовал тогда восстановления Великой Польши «от Балтийского моря до Черного, от Одера до Днепра и Двины». «Довоенная Польша, писала эта газета 21 ноября 1940 г., объединяла лишь часть территорий, составляющих ее культурное и жизненное пространство — 390.000 квадратных километров, вместо миллиона с лишним».

В следующем году лондонские мегаломаны вынуждены были, скрепя сердце, отказаться от Киева и Одессы. Но лондонский «президент» Рачкевич и министр иностранных дел Рачинский неоднократно с тех пор заявляли, что их требование касательно Восточной Пруссии и Силезии остается в силе. Рачкевич писал например в январе 1943 г.: «Версальский договор не обеспечил в достаточной мере безопасность Польши и Европы. Он оставил Германии Восточную Пруссию являющуюся передовой базой для германской агрессии, вклинивающуюся в польскую территорию с севера и мешающую свободному доступу к морю; он оставил ей часть Силезии, что затруднило хозяйственное развитие Польши... Для того, чтобы Польша могла стать одним из факторов европейского порядка и мира, эта ошибка должна быть исправлена» («Фри Юроп», 15 января 1943). В этом же духе высказался тогда же польский министр иностранных дел Рачинский (Сандэй Таймс, 11 января 1943).

Лишь после того, как это требование было выдвинуто Люблинским Комитетом, лондонские пилсудчики придумали легенду о «компенсациях», рассчитывая этим скомпрометировать Советский Союз и придать демократический «оттенок благодетельства» тоске польских помещиков по украинским

Н о в о с е л ь е

землям. Возможно, впрочем, что поместья немецких юнкеров действительно перестали их интересовать, с тех пор, как зашла речь о том, чтобы их разделить между польскими крестьянами...

Все тот же «Фольксцайтунг» поместил на днях громадную статью на эту тему другого бывшего русского, уже знакомого нам «наднационального» Абрамовича. Вслед за двадцатью тремя европейскими социалистами (Де Брукер, Луи Леви, Брайлсфорд и др.) г. Абрамович протестует против передачи Восточной Пруссии и Силезии Польше. Он находит, что «при нынешнем состоянии духа германского народа и при крайнем обострении национальных чувств и страстей» немецкие демократы не смогут оправдать перед общественным мнением своей страны подобной потери.

Мы думаем, что оправдывать тут нечего. Достаточно объяснить, что эта потеря является неизбежным последствием этого самого «состояния духа немецкого народа», за которое Европа уже заплатила двадцатью миллионами жизней.

ПОЧЕМУ ВЕНГРИЯ НЕ СДАЛАСЬ

Игнац Шульц — член чехословацкого парламента и мадьярской социал-демократической партии. Он был редактором прогрессивной газеты и вел неуклонную борьбу с венгерскими феодалами. Известен, как активный лидер венгерского меньшинства в Чехословакии.

Статья Игнаца Шульца, написанная специально для «Новоселья», приобретает особенное значение в виду того, что автор ее, превосходно знакомый с политической конъюнктурой современной Венгрии, давно уже предсказывал катастрофу, к которой должна была привести политика режима Хорти.

Почему Венгрия не последовала примеру Болгарии и Румынии? Почему она для такого шага не использовала той сильной оппозиции к войне, которая давно уже существует в стране и тех симпатий к Об'единенным Нациям, которые не раз провозглашались даже в венгерском парламенте?

Вопросы эти задаются сплошь и рядом.

Главная причина того, что Венгрия не примкнула к союзникам, заключается в малодушии регента Хорти. В марте 1944 года военное положение немцев стало настолько критическим, что они сочли абсолютно необходимым разрядить атмосферу политической неопределенности, нависшую над Германией. Гитлер приказал тогда Хорти явиться в Берхтесгаден. Хорти вполне оценивал значение такого шага. Он мог превосходно отклонить «приглашение» Гитлера. Он мог воспротивиться плану введения нацистского режима в Венгрии, если бы даже это и привело к гражданской войне. И, наконец, он мог бежать и за пределами Венгрии взять на себя руководство сопротивлением. Но на это у него не хватило мужества. Хорти готов был присоединиться к англо-американским силам, при условии, конечно, сохранения Венгрией части территории, приобретенной ею за время союза с Германией. Но когда стало очевидным, что судьба Венгрии зависит всецело

Новоселье

от русских, то Хорти и его сторонники заколебались. Они не смогли порвать с прошлым и оказались не в состоянии создать общий фронт с рабочими и крестьянами, — «мятежниками и революционерами» в глазах немцев.

Они надеялись, что война превратится в конфликт с Россией. Такую надежду поддерживали некоторые английские круги и различные «эмиссары», вроде Тибора фон Экхарда. Хорти и его окружение неоднократно утверждали, что союзники вознаградят Венгрию за ее борьбу с большевиками. И как, вообще, могли венгерские правящие круги вдруг сделаться союзниками России? Ведь пропаганда Хорти с первого же дня его прихода к власти, заключалась в следующем: «русские намерены во что бы то ни стало отомстить Венгрии и угнать в Сибирь значительную часть населения.

Пропаганда эта оказалась успешной. Средний класс и значительная часть крестьянства пребывали в постоянном страхе перед Россией.

Этот страх был главной опорой режима Хорти. Своей пропагандой, которая неуклонно велась в течение двадцати пяти лет, венгерскому правительству удалось отравить общественное мнение — дело нетрудное при полном отсутствии свободы печати и слова.

Венгров необходимо было постоянно пугать, и для этого регулярно «раскрывались новые заговоры, направляемые Москвой» и «разоблачались попытки коммунистов захватить в свои руки власть».

В течение долгого времени против лидеров коммунистического режима 1919 года выдвигались официально все новые и новые обвинения и сообщались сенсационные детали совершенных ими «преступлений». Вымышлялись новые версии одной и той же истории, и оглашались новые данные и доказательства.

Петер Хайн, впоследствии ставший главой политической полиции, был послан в Москву, где прожил несколько лет, выдавая себя за венгерского коммуниста.

По возвращении Хайн стал превосходным провокатором. Он знал всех вождей подпольного движения и все методы тайной организации. Он знал, с кем имеет дело, и как ему надо действовать при тех или иных обстоятельствах. Хайн поощрял, например, формирование организаций, возглавляе-

мых ответственными деятелями. Затем уничтожал ядро, оставляя, однако, достаточно людей для зарождения новой ячейки. И каждый раз, когда правительство Хорти встречалось с какими-либо затруднениями, на помощь призывалась полиция, раскрывавшая новый заговор. И это давало возможность снова обращаться к народу с призывом к единству в борьбе с большевиками.

Запугивание пригodiлось и в иностранной политике. Другим странам Хорти представлял свой режим как «оплот против большевизма» и время от времени великодушно принимал признательность и благодарность великих держав.

В 1931 году экономическое положение Венгрии было особенно тяжелым.

Что же сделало правительство Хорти?

Какой то душевно больной по имени Сильвестр Матушка взрывает близ Будапешта железнодорожный мост. Представители власти вопят, что это — «начало коммунистического переворота». Вешают нескольких человек, обвиненных в коммунизме, и вся страна объявляется на военном положении.

Пугать венгерский народ Россией было для Хорти и его сторонников нетрудно и потому, что страх этот имеет свое историческое обоснование. Сто лет тому назад, в 1849 году, венгерская революция была подавлена при содействии русского царя, поспешившего на помощь своему брату по Священному Союзу, габсбургскому императору.

За время войны эта пропаганда, особенно влиявшая на людей, которым нечего было терять, становится совершенно необузданной и наглой. Ежедневно по Венгрии распространяются невероятные слухи о преступлениях русских. Согласно этим вымыслам, русские сжигают и разрушают церкви и убивают невинных людей на занятой ими территории.

Но самый главный аргумент заключался в том, что русские, якобы, намерены восстановить разрушенные области России трудом населения оккупированных стран. Жители, конечно, будут депортированы в Сибирь и никогда оттуда не вернуться. Когда Румыния вышла из войны и заключила союз с Россией, по венгерскому радио и в венгерской печати сейчас же был пущен слух, будто в совето-румынском договоре имеется тайный пункт, обязующий Румынию передать Советскому Союзу всех своих трудоспособных мужчин, которые будут мобилизованы на принудительные работы в России.

Новоселье

Эта пропаганда возымела должное влияние. Даже безземельные и нищие крестьяне бежали от русских при их приближении, обрекая себя на мытарства и несчастья. Такова была сила лживых измышлений Хорти.

О злом, бесчестном и разрушительном действии пропаганды этой можно судить по следующим фактам.

Шведская газета «Дагенс Нихетер» в телеграмме из Будапешта от 25 октября сообщает:

«Даже антигерманские представители венгерской аристократии перешли на сторону партии «Крест-Стрела» и примкнули к пронацистскому офицерству из чувства страха перед Россией. Странное сборище людей представляет собой сейчас группа венгров, настаивающих на продолжении войны и не видящих всей безнадежности положения».

В номере «Свенска Дагбладет» от 23 октября напечатано весьма характерное заявление финского дипломата, побывавшего в Будапеште.

«Положение в Венгрии — в высшей степени тяжелое, ибо население верит всем измышлениям правительства о русских зверствах. Среди народа распространяются самые невероятные истории».

30-го октября венгерский министр иностранных дел обратился по радио с призывом к американским венграм:

«Русские убивают людей. Поджигают и расхищают имущество, которого не в состоянии захватить с собой. Женщин наших насилюют и подвергают пыткам. Многие венгры убивают себя и своих детей, чтобы избежать всех ужасов».

Как мы видим, венгерское общественное мнение стало жертвой этой злостной пропаганды, не брезгающей никакими средствами.

Но Хорти и его режим ответственны за результаты лжи, при помощи которой они так долго держались у власти и которая толкнула венгерский народ на путь поражения и гибели.

В. ЮРКЕВИЧ

КОРАБЛЕСТРОИТЕЛЬСТВО ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Настоящая статья написана строителем «Нормандии», видным специалистом по кораблестроению.

За последние две войны морское сообщение неоднократно доказывало всю важность своего стратегического значения. В первую мировую войну через Атлантический океан был перекинут почти сплошной мост судов, перевозивших за три тысячи миль многочисленные войска и огромные количества снаряжения и продовольствия.

В настоящее время условия войны стали еще более сложными. Прежде всего, имеется не один, а несколько фронтов, находящихся в различных частях света. Нужда в судах стала еще более настоятельной. Но напрасно было бы ожидать, что с окончанием военных действий, насыщенность морского транспорта уменьшится. Наоборот, представляется более вероятным, что в связи с реконструкцией разоренных войной стран и снабжением их всем необходимым, она станет еще более значительной.

С началом послевоенного периода, надо ожидать пышного расцвета кораблестроения, еще большего, чем после окончания первой мировой войны. Тогда процветание продолжалось около десяти лет и достигло небывалых размеров. После 1930 года пассажирское сообщение через Атлантический океан упало, правда, почти вдвое, но объяснить это надо уже результатами экономической депрессии, начавшейся в 1929 году.

Можно предположить, что вслед за заключением мира, наступит большое оживление в морском транспорте, как в Атлантическом, так и в Тихом океане. Положение трансатлантического сообщения после первой мировой войны дает любопытный материал для сравнения.

Пассажирские трансатлантические компании в 1930 году еще прекрасно работали. Был даже определенный спрос на все более крупные и более комфортабельные пароходы. Суда типа «Иль-де-Франс» делали в год по пятнадцати рейсов и

Новоселье

приносили по 15 миллионов долларов, приблизительно, ежегодного дохода. Постройки роскошно обставленных гигантских пароходов «Нормандия» и «Квин Мери» оказались не только возможными, но и необходимыми.

В расцвете кораблестроения, последовавшем после первой мировой войны, первую роль играли вначале немцы. От пассажирских пароходов средних размеров, скоростью не превышавших 20 узлов в час и в 30 тысяч лошадиных сил мощностью, они не задумались сразу же перейти к пароходам типа «Бремен» и «Европа», скорости в 28 узлов и мощности в 110 тысяч лошадиных сил.

Другие страны не решались следовать за Германией и продолжали строить пассажирские суда установленного типа, средней скорости и средней мощности. Примером могут служить американские пароходы «Манхэттен» и «Вашингтон», такой же скорости и мощности как старые немецкие суда — 20 узлов, 30 тысяч лошадиных сил. И в отношении престижа, и в смысле материальных доходов, немецкая паромная компания Норд-Дейтче Ллойд в это время стояла на первом месте. «Голубая лента» — отличие самого быстроходного трансатлантического пассажирского парохода — оставалась за ее гигантскими судами, которые вмещали в себя в полтора раза больше пассажиров, чем суда старого типа и благодаря этому оказывались гораздо более доходными. Так продолжалось лет пять, пока не был построен французский пароход «Нормандия». Затем в кораблестроении стал наблюдаться упадок, продолжавшийся до самого начала второй мировой войны, приостановившей пассажирское движение и в Атлантическом, и в других океанах.

Прежде чем ответить на вопрос, естественно возникающий в уме каждого — «каково же будет морское сообщение после войны?» — необходимо подвести итоги тому, что достигнуто уже теперь как в самом транспорте, так и в кораблестроении.

Перед войной в Соединенных Штатах строилось в среднем по 50 больших судов в год. Сейчас здесь строится по пять судов в день, то-есть полторы тысячи судов в год. Многочисленные верфи потребляют громадные количества стали, и заняты на этих верфях тысячи и тысячи квалифицированных рабочих. В настоящее время кораблестроение в Соединенных Штатах достигло неслыханного размаха. Повсеместно употребляемый теперь метод сварки, в сочетании с прекрасно ор-

ганизованным ведением дела и с великолепным техническим оборудованием, привел к тому, что стоимость постройки корабля значительно понизилась. Конкуренция с европейскими верфями в будущем может только способствовать дальнейшему понижению этой стоимости.

Усовершенствования вводятся всюду — в машинах, в винтах, в линии корпуса, и все это ведет к тому, что в будущем мы сможем строить все более и более совершенные суда, по своим качествам превосходящие корабли довоенного времени. Тут будет уместно отметить, что законченная в 1935 году постройка «Нормандии» — 30 узлов, 150 тысяч лошадиных сил — обошлась лишь немногим дороже, чем постройка например «Маджестика» — 23 узла, 60 тысяч лошадиных сил, — законченная как раз перед началом первой мировой войны. Теперь мы лучше понимаем значение обтекаемой формы и киля, и всего корпуса корабля. Кроме того, в нашем распоряжении имеются более совершенные машины, винты, рули.

Сразу же после окончания мирных переговоров встанет вопрос первостепенной важности о перевозке войск с бывших театров военных действий на родину, в связи с чем нужда в кораблях должна спешно возрасти. В течение некоторого времени все имеющиеся суда и самолеты будут заняты этой перевозкой.

В 1940 году из тридцати с лишним крупных пассажирских пароходов, водоизмещением от 24 до 85 тысяч тонн, только три принадлежали Соединенным Штатам — «Америка», в 26.454 тонны, и «Манхэттен» и «Вашингтон», по 24.289 тонн каждый.

Можно считать, что по крайней мере десять из этих судов были потоплены или повреждены за время войны. Оставшиеся двадцать с лишним пароходов могут в среднем перевозить в оба конца около тысячи пассажиров и делать по пятнадцать рейсов в год. В общем, это составит не больше 320 тысяч пассажиров в год. — лишь четверть того, что предполагается перевозить ежегодно в течение пяти-шести лет после войны. Следовательно, придется строить новые пароходы.

Трудно допустить, чтобы в ближайшем будущем воздушный транспорт мог серьезно конкурировать с морским. Самые крупные самолеты рассчитаны лишь на ограниченное число пассажиров. К тому же, питать эти самолеты приходится высококачественным, очень дорогим горючим. Роль их по отно-

шению к морскому транспорту можно сравнить с ролью небольших пассажирских самолетов, обслуживающих воздушные линии в Соединенных Штатах, в отношении к железнодорожному и автобусному сообщению. Каждый исполняет свою особую функцию, независимую от общего роста транспорта.

В послевоенном кораблестроительстве неизбежно возникнут две проблемы — что строить предпочтительно, суда ли средних размеров, старого образца и средней скорости, или же гораздо более крупные, более быстроходные, способные выдержать любую конкуренцию. Разберем технические преимущества и недостатки пароходов и того, и другого типа.

Хороший трансатлантический пароход средних размеров, типа например «Америки», постройка которой была закончена уже после начала этой войны, может быть усовершенствован главным образом в отношении линии корпуса и скорости. В улучшенном виде такие суда по своим характеристикам будут в значительной степени напоминать выработанный мной несколько лет тому назад корабль «У», являющийся усовершенствованием трансатлантического пассажирского парохода средних размеров.

Размеры такого парохода вполне достаточны, чтобы обеспечить безопасность плавания во всякую погоду. Пассажиров у них будет всегда много. Люди, любящие морские путешествия и не связанные временем, охотно будут ими пользоваться. Переезд из Нью Йорка в один из портов Северной Европы, при скорости в 20 узлов, будет брать около недели, а при скорости в 28 узлов — всего пять дней, причем расходы на горючее увеличатся лишь на 250 процентов, что мало отразится на общей стоимости путешествия.

Надо ожидать, что главную проблему в морском сообщении будет представлять скорость, в частности, из-за конкуренции воздушного транспорта. В связи с этим придется строить более крупные пароходы, так как сопротивление при плавании уменьшается пропорционально длине корпуса корабля. Практически представляется также вполне возможным делать их огнеупорными и нетонушими. Достичь этого можно будет следующим образом.

Помещение над трюмом должно быть устроено водо- и воздухопроницаемым, и все проходы должны автоматически закрываться. При условии, что в самом трюме будет поддерживаться давление воздуха, превосходящее давление

воды извне, для корабля не будет никакой опасности быть затопленным в случае повреждения какой либо одной из его частей. Даже если значительная часть корабля была бы повреждена айсбергом — как это случилось с «Титаником» — или торпедой, он все же не затонет.

Значительные усовершенствования будут сделаны и в смысле комфорта. В частности, специальными установками можно будет увеличить устойчивость парохода и тем самым уменьшить его качку. Имеется в виду также устройство бассейнов для плавания, площадок для гимнастики и игр и т. п. Число пассажиров на таком пароходе сможет доходить до четырех тысяч. Предполагается ввести и устройство общедоступных столовых, в которых пассажиры смогут питаться сообразно своим вкусам и возможностям.

Постройка парохода нового образца, водоизмещением в 35 тысяч тонн, будет стоить приблизительно 30 миллионов долларов, в то время как более крупное судно, водоизмещением в 85 тысяч тонн, обойдется в 55 миллионов долларов, что соответствует половине расходов по постройке одного крупного линкора. В коммерческом отношении крупные суда представляются также более выгодными.

Намеченная грандиозная программа послевоенного кораблестроительства в Соединенных Штатах свидетельствует об ожидаемом расцвете морского сообщения, когда путешествие за океан станет доступным и широким массам трудящихся.

АМЕРИКАНСКИЕ ИНДЕЙЦЫ

Существующие между Соединенными Штатами и Советским Союзом черты сходства отмечались неоднократно. Обе страны сравнительно молоды, перед обеими лежит широкое будущее, и та, и другая — страны больших пространств, обладают огромными запасами естественных богатств и в случае нужды могли бы обходиться собственными средствами.

Есть и еще одно сходство. И СССР, и США в отношении состава населения представляют собою конгломерат многочисленных национальностей, особенности которых при взаимном соприкосновении не уничтожаются, но тщательно сохраняются. В США существует много различных национальных групп, тесно сплотившихся на любви к своей новой родине, которую они с горячностью и усердием прозелитов стараются сделать самой замечательной страной в мире: так они строят «самый длинный в мире мост», «самый высокий в мире небоскреб» и вообще со страстностью относятся к побиванию всевозможных рекордов.

Помимо американцев европейского происхождения в Соединенных Штатах имеются и аборигены-индейцы, населявшие северо-американский континент во времена Колумба и намного раньше. Влияние их на окружающую жизнь было значительнее, чем это можно предположить на первый взгляд. Оно сказалось не только во внешнем порожании — в именах, названиях, манерах, — но и в других областях жизни.

У индейцев издавна процветала демократия. Полного единообразия не было, так как в те времена имелись сотни отдельных племен, живших свободно и независимо. Но общие черты были выявлены с достаточной определенностью. Наследственной власти у индейцев не существовало. Вожди выбирались обычно лишь на время, в связи с определенным заданием. Если такой вождь успешно справлялся со своим поручением, то вероятность его переизбрания возрастала. Вождь правил не один, а в совете с мудрейшими. Каждый член коммуны принимал участие в общей жизни, пользуясь правами

и разделяя обязанности в соответствии со своими личными данными. Частной инициативе предоставлялись широкие возможности. Но общественные решения, обычно принимавшиеся на общих сходах единогласно, уважались и строго соблюдались.

Интересно также отметить: индейцы жили коммунами, не зная частного землевладения, а иногда и частной собственности вообще, что невольно вызывает ассоциацию с русской сельско-хозяйственной общиной.

Современная американская демократия имеет гораздо больше общего с такого рода обычаями, чем с политическими и социальными идеями, завезенными переселенцами из Европы, где во времена Колумба общепризнанной формой правления была монархия. Эти идеи в Америке не сохранились, и их место заняли применявшиеся на практике обычаи индейцев.

Но помимо сходства, которое можно объяснить параллелизмом развития, естественным при эволюции всех мелких племен, объединенных в одно политическое или социальное целое, имеется и сходство, объясняемое общностью происхождения. По современной теории, которая получает все новые и новые подтверждения, индейцы в отдаленном прошлом пришли на северо-американский континент с азиатского материка. Теория монгольского происхождения индейцев располагает солидными подтверждениями. Главными из них считается антропологическое сходство первоначального населения Америки с установленным типом народа, в древние времена населявшего Восточную Азию. В частности обращает на себя внимание сходство строения тела, черепа и волос, что является веским доказательством.

Стоит также отметить сходство между музыкальными характеристиками народных песен индейцев и населяющих Азию племен, как доказательство их этнографического родства. Совпадения слишком разительны и слишком многочисленны, чтобы их можно было объяснить случайностью или заимствованием.

Древнейшие археологические находки были сделаны на тихоокеанском побережье — около Фербэнкса, в форте Коллинс в Кловисе, в Колорадо, в Феллс Кэйв, в Южном Чили. Особый интерес представили раскопки в Фольсоме, в Новой Мексике.

Найденные около Фербэнкса каменные наконечники ору-

зия свидетельствуют о принадлежности первоначального населения Америки к культуре племен, обитавших в пустыне Гоби.

О времени прихода «краснокожих монголов» на американский континент существуют разноречивые мнения. Большинство ученых относит его к концу ледникового периода, когда север и северо-восток американского континента все еще были покрыты льдом. Аляска в те времена была теплым краем с богатыми пастбищами. На основании археологических раскопок в Фольсоме и в Фербэнксе ученые пришли к выводу, что переселение произошло по крайней мере 5-10 тысяч лет тому назад. Последние работы профессора Грдлички, крупнейшего авторитета по этому вопросу, относят его к периоду значительно более раннему.

До пришествия белых на американском материке жили сотни индейских племен. Воинственность их значительно преувеличена — одни из них жили совсем мирно, другие воевали только для самозащиты. Наряду с этим существовали и воинственные племена, как например навахи и апачи.

В Калифорнии многие племена были объединены договорами о взаимном ненападении и поддержании мира. Договоры эти добросовестно соблюдались, и войн в Калифорнии не было. На Великой Равнине обитали сравнительно воинственные племена. Но у них война велась также по установленным правилам и обычаям и с большим основанием может быть сравнена со средневековыми рыцарскими турнирами в Европе.

Идея Лиги Наций видимо глубоко отвечает коренным требованиям человеческого общежития. Прообраз ее можно найти в индейском Союзе Шести Племен, существовавшем задолго до образования Северо-Американских Соединенных Штатов и европейской Лиги Наций. И союз этот не был единственным в своем роде. В юго-восточных штатах имелась так называемая Паухатанская Конфедерация, образованная с целью сохранения мира. Были и другие, менее значительные объединения в таком же духе.

Пришедшие в 1492 году на американский континент европейцы нашли племена, численностью редко превышавшие несколько сот человек, считая женщин и детей. Индейская община насчитывала в среднем около ста человек. Иногда в одной деревне жило несколько общин, и во главе каждой из

них стоял свой вождь. Когда община разрасталась до 150 человек, она обычно разбивалась на две.

У некоторых племен, как например у ирокезов, существовал матриархат. Хотя в вожди и избирался мужчина, но избрание его не считалось окончательным, пока его не утверждали женщины. Ядро семьи также образовывалось вокруг женщины, и наследование шло по женской линии.

Племена различались по языку. Каждое племя говорило на своем наречии, что свидетельствует о значительной замкнутости их жизни. Письменности у них не существовало. Слова передавались от поколения к поколению изустно и сильно менялись. Более обстоятельное изучение показало, что все племена можно разбить на восемь основных лингвистических групп общего происхождения. Аналогичную картину можно найти в Европе, где также существует несколько лингвистических групп общего происхождения. Разница между наречиями северо-американских индейцев не больше, чем разница между французским, немецким, английским, испанским и другими арийскими языками.

Между европейскими поселенцами и индейцами скоро начались столкновения, приведшие к кровавой войне, которая тянулась приблизительно до 1770 года.

Индейцы защищались смело и отчаянно. Но у белых было не только огнестрельное оружие. Они принесли с собой виски, проституцию, болезни и моральное разложение. Индейцы стали отступать в леса.

Началась всеобщая война. Французские колонисты враждовали с англичанами. Французы подстрекали индейцев против англичан, англичане против французов, и те, и другие поддерживали раздоры между отдельными индейскими племенами. Индейцы вели партизанскую войну и постоянно терпели неудачи. История каждого племени заканчивалась одним и тем же — поражением, вымиранием, расселением по заповедникам.

Сейчас в США существует 78 индейских племен. Зарегистрированных индейцев имеется около 375 тысяч, причем приблизительно половина из них — смешанной крови. В Канаде индейцев насчитывается сто с лишним тысяч. По первым данным, относящимся к Соединенным Штатам и Аляске, численность первоначального индейского населения достигала 1.153.000 человек.

Новоселье

В настоящее время приблизительно восемьдесят процентов индейцев живет в специальных заповедниках, под которые отводятся участки общественных земель, предоставленных в исключительное пользование индейцев, и куда посторонним вход воспрещается. Отдельные семьи живут в городах, зарабатывая себе пропитание чаще всего своими ремеслами. Но выбраться индейцу из заповедников трудно из-за целого ряда юридических и экономических причин.

Отводившиеся индейцам заповедники вначале сильно напоминали концентрационные лагеря. Плохая пища, болезни, тоска по свободе и по дому, тяжелое душевное состояние от сознания своего поражения — все способствовало понижению жизненной сопротивляемости у индейцев. Туберкулез стал принимать среди них угрожающие размеры. Детская смертность была очень высока, среди молодежи свирепствовали самоубийства. Потери индейцев в лагерях были выше, чем во времена самых ожесточенных войн. Смертность стала значительно превышать рождаемость. Так продолжалось до 1900 года, когда положение начало, наконец, постепенно меняться.

Созданием элементарных гигиенических условий смертность среди индейцев удалось значительно понизить. Кстати сказать, рождаемость у них никогда не падала, что является лишним доказательством того, что биологические силы этого народа еще далеко не исчерпаны. Вымирание его объяснялось необычайно высокой смертностью, вызванной тяжелыми жизненными условиями.

Хуже всего дело обстояло в 1901 году, когда индейцев насчитывалось всего 269.398 человек. В 1937 году их было уже 337.366 человек, и теперь число их продолжает неизменно возрастать. За последние семь лет племя навахо, например, увеличилось чуть ли не вдвое.

Большинство существующих сейчас заповедников расположено к западу от реки Миссисипи. В восточных штатах их сравнительно немного. Заповедники бывают разных размеров. Так, заповедник Навахо занимает площадь в 25 тысяч квадратных миль. В Калифорнии же не редкость встретить заповедники в 1-2 квадратных мили. Всего имеется около ста заповедников.

Во главе каждого из них стоит заведующий, назначаемый от Индейского ведомства. Он является представителем власти

и обладает своего рода диктаторскими полномочиями. На нем лежит общая администрация и закупка продовольствия, одежды, семян и различных инструментов. При заповедниках обычно устраиваются школы, больницы, лавки — правда, нередко бывает, что цены в них непомерно высоки, — почта, католические или протестантские миссии.

Политической эмансипации индейцев немало способствовало их прекрасное поведение во время первой мировой войны, когда многие из них проявили исключительный героизм. В 1924 году был издан закон о признании американскими гражданами всех индейцев, рожденных на территории США. Это не мешает, впрочем, тому, что в некоторых штатах — в Новой Мексике и в Аризоне, например, — по существующим там штатным законам или по административным условиям индейцы до сих пор к голосованию не допускаются.

В настоящей войне индейцы также принимают самое активное участие. Красноречивой иллюстрацией может послужить тот факт, что из одного только племени навахо, численностью в 53 тысячи человек, в армии сейчас служит две с половиной тысячи мужчин и женщин.

Солдат-индейцев можно встретить на любом фронте — в Европе, в Китае, на Тихом океане. Один из первых союзных отрядов парашютистов, высадившихся в Нормандии, состоял из индейцев. Среди американских медсестер в Италии есть немало индианок, прекрасно зарекомендовавших себя добросовестностью и отважностью. К идее защиты демократии индейцы относятся с серьезностью и горячностью, достойной подражания более культурных народов. Сражаются они великолепно и часто получают военные отличия.

Но и оставшиеся дома индейцы не забывают о войне. Так, живущее в штате Висконсин племя Миномини своеобразно почтило своих героев, погибших во время первой и второй мировой войны, насадив в их память сосновый лес из тридцати тысяч деревьев.

Одна индейская деревня на Аляске, Нонапитчук, каждый год закупала обыкновенно на 600-700 долларов запасов на зиму. Деньги эти ассигновались ей правительством и выдавались в ближайшем административном центре в Жюно. В прошлом году жители Нонапитчука просили истратить причитающуюся им сумму на покупку облигаций военного займа. Кроме того, они еще собрали 17 долларов для Красного Креста. Живущее во Флориде племя семинолов, до сих пор еще

Новоселье

не признавшее себя покоренным, купило облигаций займа на 28 тысяч долларов.

Покоренным индейцам был поставлен целый ряд условий, нередко оскорбительных для их гордости, хотя белые и не отдавали себе в этом настоящего отчета. Прежде всего, от индейцев потребовали, чтобы они остригли свои длинные волосы и отказались от ношения живописных национальных костюмов. Трения возникли и по поводу обязательного занятия земледелием. У многих племен возделывание земли считалось женским, низшим трудом, и для мужчин заниматься им, да еще принудительно, представлялось неслыханным унижением. Затрагивались тут и религиозные воззрения индейцев — они боялись плугом осквернить землю. Конфликт вызвало и столкновение индивидуализма экономической системы белых с коллективистическим духом индейцев.

Уровень жизни современных индейцев не перестает повышаться. В общем итоге, они значительно цивилизовались, но не американизовались. Свои национальные особенности они продолжают упорно сохранять. Говорят они обычно на двух языках, по индейски и по английски, а на юго-западе — по испански. Индейцы понимают, что во многом они отличаются от белых, и нередко гордятся этим. К белым отношение у них двойственное — машины их они уважают, а идеалы — презирают.

Религиозно-философское мировоззрение индейцев довольно сложно и носит пантеистический характер, порожденный близостью к природе. Индейская философия представляет собою комбинацию религии, этики и искусства. Изучение ее привело к образованию специальной научной отрасли.

Американские композиторы охотно пользуются индейским фольклором. Для многих представителей цивилизации белых может быть неожиданностью узнать, что самая утонченная современная музыка в некоторых отношениях проще и примитивнее музыки индейцев, для которых полутон, это сравнительно еще большой интервал, и ухо которых без труда улавливает десятые тона. Богатство ритма и высокая художественность интонаций представляют богатейший материал для изучения.

Правительство поощряет устройство ежегодных национальных празднеств, на которые съезжаются не только жители соседних деревень, но и ученые и туристы со всех сторон.

Во многих музеях имеются отделы, посвященные индейцам. Прекрасные индейские отделы существуют в Нью Йорке при Музее естественной истории и при Географическом музее. Есть и специальная библиотека по индейскому вопросу, в которой собраны все капитальные труды.

За последние двенадцать лет отношение американского правительства к индейцам резко изменилось. Проводившаяся до этого политика ограничений подвергалась уже издавна ожесточенной критике людей, чувство справедливости которых было оскорблено бесправием, в котором индейцев держали. Правительство решилось на смелый опыт и предложило этим защитникам индейцев самим справиться с задачей. Результаты не заставили себя ждать, и эмансипация индейцев продолжается усиленным темпом.

В настоящее время власти заботятся о сохранении индейцами их национальных особенностей. Поощряется создание всевозможных организаций, как например — Союз Индейской Молодежи, многочисленные культурно-просветительные клубы и т. п. Имеется уже немало индейцев со средним образованием, и число индейских студентов в университетах продолжает усиленно возрастать.

Принципы самоопределения национальностей, вытекающие из идеалов американской демократии, нашли наконец свое применение и в отношении индейцев, и никто не оспаривает уже у этого одаренного народа его право на самобытность.

П О П Р А В К А

В статье И. Зотовского «Грядущая польская демократия» (Новоселье 14-15) следует читать на стр. 96-ой, 2-я строка снизу: вместо «некоторые **эмигрантские** группы» — «некоторые **демократические** группы»...

EACH

Mido

WATCH

IS A
MASTERPIECE
OF
CRAFTSMANSHIP

FOR MEN

FOR WOMEN

Whether designed for men or women, each Mido watch is a fine example of craftsman's art, from inner working mechanism to outward distinguished appearance. For Mido artisans take pride in good workmanship. Internationally famous, Mido watches are sold and serviced in sixty-five countries. All have 17 jewel movements.

NOTE: Mido Multifort Super Automatic and Mido Multifort watches (100% water-proof, shock resistant, and anti-magnetic) are **FIRST CHOICE** of service men and civilians because of the outstanding service they have rendered. Sorry, only a limited quantity is available at present for civilians, but remember, a Mido Multifort is worth waiting for.

Your Patriotic Duty
IS TO BUY
WAR BONDS
and Stamps

INTERNATIONAL RARE METALS REFINERY, Inc.
New York, N. Y.

International Book Service

Mrs K. N. ROSEN
410 Riverside Drive, Apt. 141
New York 25, N. Y.

Книги о России на русском, английском и французском языках
Литература, история литературы, искусство, политика, экономика, история, театр, балет, словари, грамматики.

ПОДБОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ДАННОМУ ЗАДАНИЮ
особенно по творчеству отдельных писателей и художников
Составление библиотек

Для удобства читателей «НОВОСЕЛЬЯ»
Подписка на Журнал также будет приниматься
Д-ром А. ЛОМБАРД 229 West 97 Str., Phone: ACademy 4-0610

'NOVOSSELYE'
A RUSSIAN LITERARY MONTHLY

Editorial & Administrative Offices:

S. PREGEL - BREYNER,

330 West 72 Street, New York 23, N. Y.
ENdicott 2-1660

“ Н О В О С Е Л Ь Е ”
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
под редакцией С. ПРЕГЕЛЬ

Подписная плата:

В Соединенных Штатах: на один год — \$4.50, на шесть месяцев — \$2.50; в Канаде: на один год — \$5.00, на шесть месяцев — \$2.75.

Цена номера в розничной продаже —
45 центов.

Подписка и объявления принимаются в конторе журнала.
Рукописи, посылаемые в редакцию, должны быть переписаны на машинке на одной стороне листа. Непринятые рукописи не возвращаются.

ЦЕНА НОМЕРА
45 ЦЕНТОВ

317

GO WITH OUR FIGHTING MEN THROUGH YOUR
RED CROSS. GIVE TO YOUR RED CROSS
1944 WAR FUND